

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

АННА КАЛИНКИНА
СТАНЦИЯ-ПРИЗРАК

FUTURE CORP.

Метро

Анна Калинкина

Метро 2033: Станция-призрак

«АСТ»

2011

Калинкина А. В.

Метро 2033: Станция-призрак / А. В. Калинкина — «АСТ»,
2011 — (Метро)

ISBN 978-5-17-074259-2

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Встречайте: первая книга «Вселенной Метро 2033», написанная женщиной о женщине! Вместе с юной героиней Анны Калинкиной, Ньютой, читатель вновь возвращается в московский метрополитен, открывая новые, еще неизведанные уголки. «Станция-призрак» – одновременно романтическая и страшная история о предательстве, борьбе, поисках себя и конечно же любви.

ISBN 978-5-17-074259-2

© Калинкина А. В., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Долой правила	5
Пролог	10
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Калинкина

Станция-призрак

Долой правила

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Конечно, книжные серии были изобретены задолго до «Вселенной Метро 2033». И сейчас трудно найти издательство, которое не выпускало бы своей серии книг о вампирах или мире после Апокалипсиса.

Главный залог их успеха – следовать правилам. Ни в коем случае не экспериментировать! Нравятся народу шаблонные фантастические боевики с элементами мистики – вот и давай, стругай одинаковые книжки. И берут профессионалов, которым поставь задачу – они и настрогают, как сказано. Потому что считается: эксперименты, разрывы шаблона – вредны. Могут отпугнуть тех, кому понравилась одна из книг серии и кто хочет бесконечных повторений пережитого.

И я тоже знаю об этом принципе. Очень хорошо знаю, на собственном примере: помню, на какое ожесточенное сопротивление многих читателей натолкнулась моя собственная книга, «Метро 2034». От нее ждали повторения «2033», а она оказалась... Совсем другая.

Казалось, должен был я научиться на этом горьком опыте и дуть изо всех сил на воду, обжегшись на молоке, и во «Вселенную Метро 2033» уж пропускать исключительно книги, похожие друг на друга, шаблонные, понятные, не требующие терпения и вникания.

Нет, не могу.

Скучно.

Ведь концепция «Вселенной» изначально другая: приглашать совсем разных людей из разных стран и предлагать им осмыслить одну и ту же ситуацию: 2033 год, мир после ядерной войны. И одинаковых книг получиться по определению не может: ведь каждый, выходит, пишет о себе. Сколько людей – столько и взглядов, столько и перспектив. Столько разных сюжетов, героев, драм. Столько разных книг.

А такой, как у Анны Калинкиной, не было еще ни у кого. Ведь это первый автор-женщина нашей серии. И, читая и редактируя ее книгу, я сам для себя начал заново открывать свое «Метро».

Женщины ведь смотрят на «наш мир» своим особым взглядом. На каждой станции метро замечают сначала других женщин – и «говорят» прежде все с ними, а уж потом с мужчинами. Примечают, на какой станции как одеваются, и задаются вопросом, откуда берется одежда. Влюбляются в героев и в злодеев, прощают и мстят. В прежних романах «Вселенной» любовь – это чаще всего тоска по погибшей подруге, по сгинувшей в Катаклизме жене... Это потому, что мужчины толком и не умеют о любви писать.

И вдруг – вот вам живая девчонка, настоящая. Не героиня, не силиконовая модель, не роковая вамп. Иногда робкая, иногда – отважная. Не всегда уверенная в своих чувствах и не всегда умеющая сделать выбор... Как те девушки, с которыми мы встречаемся и болтаем каждый день, с которыми строим отношения. Как те девушки, которые читают наши книги.

И с приходом героинь суровое подземное царство героев «Метро» вдруг становится немного более наивным, радужным, чуть более легкомысленным – но несомненно менее схематичным, комиковым – и более живым, реальным.

Но не стоит думать, что перед вами – женский роман. Перед тем, как сесть за написание своей книги, Анна Калинкина прочла все книги серии. В мире метро она ориентируется лучше

многих профессиональных писателей и заядлых читателей. И атмосферу она прочувствовала чудесно: ее герои рассказывают такие истории, от которых мороз продирает, и переживают такие приключения, от которых у впечатлительных может выскочить сердце.

Самое же для меня приятное, что Анна – не профессионал, не наемник, а один из авторов портала Metro2033.ru, постоянный участник наших встреч с читателями. Уже второй в этом году «любитель», который благодаря серии «Вселенная Метро 2033» смог(ла) осуществить свою мечту – написать и опубликовать свою книгу.

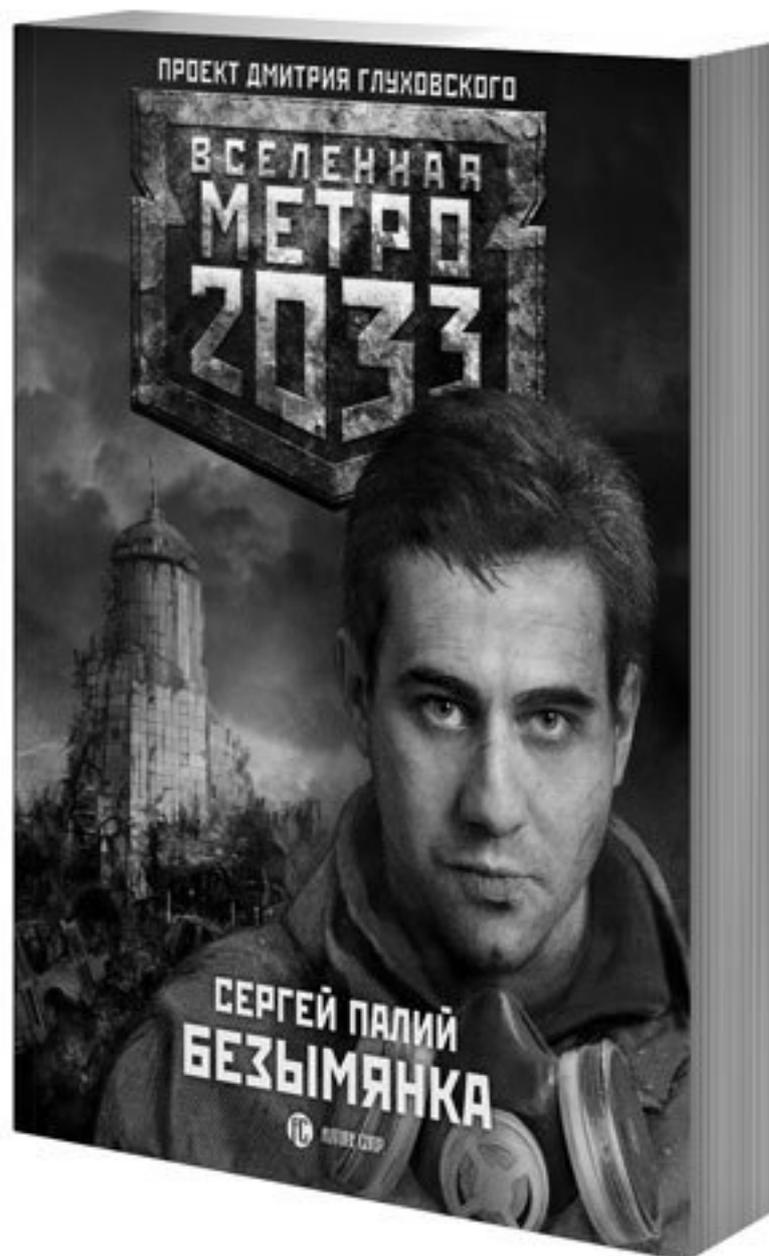
В общем, так. Плевать я хотел на правила. Пусть горят в аду те, кто считает, что читателей надо кормить одинаковыми книжками, простыми и понятными. А я хочу, чтобы во «Вселенной» все книги были разными, и все – живыми.

И тогда нам никогда не будет скучно.

Дмитрий Глуховский

Карта «Вселенной Метро 2033» неуклонно расширяется, и на ней появляются отметки о все новых выживших. Добро пожаловать в постъядерный Ростов-на-Дону! «Муранча», несмотря на странное свое название, на немного экзотическую локацию – роман сильный и яркий. Однозначно, один из лучших в серии. непохожий на остальные. Увлекательный, но при этом мрачный и лирический.

Это роман мистический и приключенческий, любовный и героический. История постъядерной Самары, тайны сталинских бункеров и законсервированных советских секретных объектов, отчаянная романтика беспризорников и страсть, за которые платят жизнью – в «Безымянке» Сергея Палия все сплелось, все смешалось. Хорошо и умело написанная, с душой придуманная... нет, прожитая, – эта книга читается на одном дыхании.

В Новосибирске 2033 года каждый шаг за кордоны родной станции метро может обернуться рискованным приключением и даже смертью. Любой его житель вынужден превратиться в героя, чтобы сражаться или умереть. Именно такой выбор стоит перед юным Сергеем Касариным, когда ужасный призрак прошлого вырывается на свободу, грозя уничтожить не только привычный ему мир, но и все живое на планете. Кажется, что враг неуязвим и надежды нет. И все же у человечества остался один-единственный шанс еще раз увидеть солнце...

На сей раз карта «Вселенной Метро 2033» открывается в сердце Урала: местом действия романа «Ниже ада» становится постъядерный Екатеринбург. Андрей Гребенщиков, коренной свердловчанин, показывает нам один из самых загадочных и зловещих городов выжженной планеты. Вместе с мальчишками, которым судьба приказала стать героями, вы пройдете не только через туннели тамошнего метро, но и отправитесь в таинственную глубь уральских гор, будете сражаться с невиданными чудовищами и делать удивительные открытия...

Пролог

Девочка забилась в щель, куда, казалось, не смогла бы поместиться даже кошка. Она слышала снаружи шумные вздохи, потом толстая лапа почти коснулась ее плеча. В темноте, наугад, девочка ткнула кулачком – не попала.

– Уходи! Все равно не достанешь.

Опять послышалось шумное сопение. И вдруг стихло. А вдали раздавались другие звуки – чьи-то шаги, голоса. И будто бы даже свет блеснул.

– Видишь, это люди! Теперь я попаду к маме. Уходи, прошу тебя. Они могут тебя убить.

Она в последний раз услышала звук, похожий на вздох. Потом тяжелая туша стала удаляться почти бесшумно. Девочка, подождав немного, выползла из щели.

Шаги становились все громче, приближаясь...

На девчонку упал луч фонарика.

– Ничего себе, – удивился один из подошедших. – Ты откуда здесь?

– Я хочу к маме, – сказала девочка.

– Ну, это понятно, – сказал другой. И, посветив вокруг фонариком, тихо присвистнул. Тонкий луч выхватил из темноты рельсы, шпалы и какой-то странный небольшой предмет. Рассмотрели поближе... Оказалось – скрюченная кисть руки, судя по всему, женской.

– От мамы-то, по ходу, не так уж много осталось, – пробормотал себе под нос первый, стараясь, чтобы девочка не услышала.

Второй в это время достал что-то из рюкзака, протянул девочке:

– На-ка вот, поешь. Голодная, небось?

Девочка с аппетитом впилась зубами в кусок вареной свинины. Угостивший ее довольно улыбнулся.

– Значит, ты шла с мамой, – осторожно спросил он, – а потом что случилось?

– Не с мамой, – невнятно пробормотала девочка, – с дядей Федором и теткой Люсей. Моя мама осталась на Беговой. Она будет ждать меня. Ты отведешь меня к ней?

– Не повезло тетке Люсе, – тихонько заметил первый. – А поискать, так и дядька Федор где-нибудь поблизости найдется. Скорее всего, то, что от него осталось, свободно поместится в карман. Как же детеныш-то уцелел?

– Пошли отсюда, – сказал второй. И взял девочку за руку.

Девочка, доверчиво улыбаясь, засемила рядом с ним. Это были добрые люди. Они улыбались ей и дали вкусной еды. Если все как следует им объяснить, они и к маме ее отведут.

Если бы она знала об этих людях побольше, то кинулась бы обратно в туннель, туда, где скрылось недавно неведомое животное. Но она еще не понимала, что даже нападение диких зверей предпочтительнее встречи с некоторыми двуногими.

И спокойно позволила себя увести.

Глава 1

Побег

– Тебе идет белый цвет, Нюта.

В специально отгороженном в конце станции закутке худенькая темноволосая девушка в потрепанных брюках и выцветшей майке хлопотала вокруг подруги.

– Да, я знаю, а толку-то?

– Осторожно, не шевелись – порвется. Вот здесь надо покрепче пришить.

– А зачем? Все равно оно одноразовое, – иронически сказала высокая светловолосая девушка, оправляя на себе белое платье, собранное неизвестно из каких лоскутов, но выглядевшее очень живописно.

– Но ты же не хочешь, чтобы оно через пять шагов с тебя свалилось, – подала голос седая, коротко стриженная женщина в какой-то хламиде защитного цвета, наблюдавшая за примеркой.

– Да уж – вот охранникам был бы праздник, – с той же горькой иронией сказала Нюта. Видно было, что седая хотела ее одернуть, но пересилила себя и смолчала.

– Ну, теперь ты, Крыся, – обратилась она к темненькой. Та быстро, равнодушно стянула майку и брюки и взяла из рук седой свое платье. Оно тоже было в своем роде произведением искусства, если учесть, что шить было нечем и не из чего. Но Крыся никакого восторга не выказала. Натянула, машинально одернула и, убедившись, что сидит хорошо, поевжившись, осторожно сняла опять. Казалось, в своей старой потрепанной одежде она чувствует себя уютнее.

– Как же мне надоела эта кличка твоя дурацкая, – вдруг в сердцах сказала Нюта. – Давай тебе другую придумаем уже.

– Не хочу, меня мамка так звала. Да и какой смысл? Как говорит баба Зоя, – и Крыся метнула взгляд в седую, – у меня и так скоро будет другое имя. Какая разница, как будет называться та горстка костей, которая от меня останется?

– Дуры вы, девки, – вздохнув, сказала седая. – Великая честь вам оказана.

– Нас никто не спрашивал, – сообщила Нюта, – а мы бы от этой чести охотно отказались.

– Да вам такое питье дадут – будете сны красивые видеть. И Солнце увидите напоследок. Красивей этого ничего нету. Вам позавидовать можно.

– Ну, пусть те, кто завидует, идут вместо нас. Я бы предпочла увидеть Солнце и остаться в живых, – сказала Нюта.

Седая опять смолчала. В последний месяц перед жертвоприношением девушек старались по возможности баловать, не обращать внимания на крамольные речи. Ясно же – сколько ни говори о чести, о высокой миссии, на тот свет по своей воле никто бы не стал торопиться. Но кому-то надо и пострадать за всех – так говорит Верховный.

Закончив примерку, они неторопливо пошли через станцию к своим палаткам. Станция тонула в полумраке – ее тускло освещали немногочисленные лампочки, свешивавшиеся с потолка на шнурах в нескольких местах. Впрочем, тут и разглядывать было особенно нечего – два ряда серо-белых колонн, цементный пол. Стены тоже выглядели бы убого, если бы их не оживляли кое-где рисунки и надписи. Кто-то рассказывал Нюте, что это называлось «граффити». За рисунки явно следовало благодарить не строителей, а неведомых самоучек, впрочем, безусловно талантливых. Попадавшиеся по пути люди, по большей части в потрепанном камуфляже, провожали троицу почтительными взглядами. Нюта не обращала внимания – за последние дни она к таким взглядам привыкла. Она машинально разглядывала надписи, украшавшие стены. Скорее всего, большинство из них было сделано еще в незапамятные времена забредавшими сюда диггерами и подростками. Стадион «Спартак» между Шукинской и Тушинской

так и не успели ввести в строй до Катастрофы. Баба Зоя рассказывала, что такие станции, построенные, а потом по какой-то причине заброшенные, назывались станциями-призраками. Нюта большинство надписей выучила уже наизусть, по ним иногда на станции учили читать детей. На одной стене было крупно написано «Спартак – чемпион» и нарисован гибрид человека и гигантской летучей мыши. Сбоку наискосок шла надпись «Наутилус навсегда». На другой стене часто попадалось изображение одной и той же темноволосой девочки с раскосыми черными глазами и стильной челкой. Из надписей можно было узнать, что Машка – дура, что анимэ спасет мир, что здесь был какой-то Женя и что Саша любит Лену. И чуть пониже, в самом углу, была еще одна надпись. Нюта так часто перечитывала ее, что теперь не было нужды смотреть – надпись будто намертво впечаталась в память.

«Никто не выйдет отсюда живым».

Кто это написал, когда? Сразу после Катастрофы, когда люди, запертые под землей, начали осознавать масштабы бедствия? И поняли, что отныне на поверхности им жить не суждено?

Вместо неба над головой – серый потолок. Тусклый свет – от нескольких лампочек. Впрочем, Нюта никогда не видела неба, ей не с чем было сравнивать.

Люди вокруг были заняты привычными делами. Женщины, старики и подростки рыхлили землю на небольших плантациях шампиньонов, находившихся недалеко от станции в ответвлениях туннелей. Кто-то из них задавал корм сидевшим в клетке крысам. Их, увы, тоже нужно было чем-то кормить до тех пор, пока они сами не отправлялись в суп. Несколько вооруженных мужчин обходили установленные в туннелях крысоловки. Как обычно, ждали с нетерпением возвращения сталкеров с поверхности, гадали – вернутся ли они в полном составе, и если да, то принесут ли что-нибудь съестное, или им опять не повезет. Повариха помешивала в большом алюминиевом котле – на обед снова был суп из шампиньонов, куда для наваара кинули несколько крысиных тушек.

Врач Николай Федорович перебирал немногочисленные инструменты, разложенные на тряпице, которую он условно считал чистой. На самом деле его куда больше интересовал запах из котла.

Все знали, что на врача особо рассчитывать не приходится. Николай Федорович был противником хирургического вмешательства. Он объяснял, что предпочитает гомеопатию, хотя многие подозревали, что на самом деле он просто не умеет оперировать. Зато у него сохранился допотопный прибор для измерения давления, и лечение он всегда начинал с этой процедуры. Лекарств у него все равно почти не было, в основном от головной боли и от поноса, и то просроченные. Зато он считался непревзойденным диагностом. Считалось, что он безошибочно может установить, от чего умер больной.

Мимо прошел Верховный в сопровождении двух охранников, одетых в черное. Был он, как всегда, в плащ-палатке, которая на нем смотрелась как тога. Милостиво улыбнулся Зое. Нахмурился, взглянув на Нюту. Крысю даже не удостоил взглядом.

Зоя шла и чувствовала, как снова наливается бессильным гневом. Эти две девчонки такие хорошенькие. Особенно Нюта. Когда ее нашли в туннеле, это был худенький заморыш, и Зоя возилась с ней, поила отварами – у Нюты еще долго болел живот. Никто не ожидал, что к восемнадцати она выровняется в светловолосую красавицу, по-прежнему ненормально худую, но с громадными голубыми глазищами.

«Зачем все это, – тоскливо думала Зоя, – зачем я так возилась с ней, выхаживала. Пройдет меньше месяца – и ее не станет. Нет, я пойду сейчас, я скажу ему, что так дальше продолжаться не может. Верховный, мать его так! Кому Верховный, а кому просто Юрка. И кто, кроме меня, может сказать ему правду в лицо. Вот сейчас и пойду – только глотну чуть-чуть для храбрости».

Она знала, что никуда она не пойдет. Упущено было то время, когда он еще подпускал ее к себе, когда до него еще можно было достучаться.

Оказавшись в своей ветхой маленькой палатке, она нашарила заветную пластиковую бутылочку, глотнула из нее и вскоре заснула тяжелым, беспокойным сном.

Девушки, сидя в своей палатке, тихонько разговаривали.

– Послушай, а откуда она знает, как все будет? – спрашивала Крыся.

– Да ведь она наверху жила до Катастрофы – как же ей не знать.

– Я не про Солнце. Я про напиток. Откуда она знает, что мы будем видеть красивые сны?

– А-а, – махнула рукой Нюта, – так она этот напиток сама чуть ли не каждый день хлещет, я видела. Это нам с тобой его просто так никто не даст, а она – другое дело. По-моему, Верховный ее даже побаивается. А ты разве не догадывалась?

– Но говорят, что если его часто пить, потом становишься слабоумным. Помнишь охранника Гришу? Он же перед смертью совсем свихнулся.

– Он не от этого свихнулся. Баба Зоя сказала, что его совесть замучила. Еще бы – столько наверх проводил. Помнишь, он сидел, все будто руками от кого-то отмахивался, а потом что-то стряхивал с себя. Она подошла, посмотрела и говорит: «Все, допрыгался, упырь. Мальчишки кровавые в глазах!» И через пару дней его мертвым нашли. Сказали – сердечный приступ.

– При чем здесь кровавые мальчишки, если в жертву приносят только девушек?

– Не знаю. Баба Зоя часто всякие непонятные вещи говорит.

Их удивляло, что эта женщина, так сердечно к ним относившаяся, в то же время не выражает никаких сомнений – по крайней мере, вслух – в установленном на станции чудовищном обычае. Более того – она его как будто поддерживала. Они не понимали, как все это уживалось в ней. Нюта видела, как, провожая на смерть девушек, она рисовала в воздухе странные знаки, словно обереги, и что-то бормотала вслед – то ли молитву, то ли заклинание. Это вызывало страшное недовольство Верховного, а кто-то из охранников однажды прикрикнул: «Опять ложным богам молишься, старая ведьма!»

При этом она словно бы с умилением рассказывала им про сам обряд. Накануне устраивался большой праздник на станции, нарядных девушек чествовали, словно принцесс. Веселились чуть ли не до утра. Потом давали им специальное питье, приносящее красивые сны, и вели на поверхность. Своего выхода у станции не было, приходилось какое-то время идти по подземным ходам. Девушек, одетых лишь в красивые белые платья, сопровождали охранники, Верховный и комендант в защитных комбинезонах. Накануне один из охранников поднимался на поверхность, чтобы на специальной площадке все приготовить – нарвать побольше цветов и уничтожить следы прежних жертв, если такие еще оставались. Часть цветов он приносил вниз, и их угрюмая станция с голыми стенами на короткое время преображалась.

Девушки, одурманенные сонным напитком, не сопротивлялись. Их выводили наружу, вели на жертвенник, огороженный железной сеткой. Все ждали восхода солнца. И едва лишь первый луч касался земли, сопровождающие уходили. А одурманенные девушки оставались наверху и, видимо, быстро умирали среди цветов под палящими лучами солнца, вряд ли, впрочем, успев что-либо осознать.

«А почему бы не убивать их сразу из гуманности?» – мрачно спросила как-то Крыся. И баба Зоя объяснила ей, что жертва должна быть бескровной. «На запах свежей крови могут собраться самые жуткие твари», – загадочно сказала она.

– Тебе, может, еще повезет, Нюта, – сказала Крыся. – Я слышала краем уха – Игорь отца пытается упросить за тебя.

Игорь был сын Верховного. Ни для кого не было секретом, что он давно влюблен в Нюту и что его отцу это очень не нравится.

– У него все равно ничего не получится. Верховный его и слушать не станет. Нет, нам не на Игоря надо надеяться.

– А на кого же. Ты все еще ждешь, что в последний момент явится твоя мамочка и тебя спасет?

Только Крысе Нюта прощала такие шутки. Только Крыся знала, как иступленно Нюта ждет до сих пор. Еще малышкой, попав на станцию, она то и дело просилась к маме, но всегда натыкалась на уклончивые отговорки взрослых – мол, ей надо сперва окрепнуть, да и в туннелях беспокойно, может, со временем что-нибудь и получится, а пока надо набраться терпения. И она ждала, но верила, что мать сама ее ищет, не может не искать.

Но чем дальше, тем меньше оставалось надежды. В первые годы после Катастрофы были заселены почти все станции метро от Баррикадной чуть ли не до Планерной – так, по крайней мере, люди говорили. Что там ближе к центру творилось, только слухи доходили. Вроде бы на Пушкинской фашисты обосновались, на Китай-городе – бандиты. А у них тут народ был попроще. Так, по крайней мере, сначала казалось. И челноки еще могли пройти от кольцевой, с Ганзы, чуть ли не по всей ветке – да только мало кто в последнее время на это решался. Незачем было – люди тут жили бедно, и почти не могли ничего ни продать, ни купить. Еще в первое время, когда удавалось много полезного найти на поверхности, шел активный товарообмен между станциями. Теперь ближайшие окрестности были уже исхожены, многое, что не успели забрать, сгнило за эти годы. А то, что еще оставалось, все труднее становилось добывать – у города появились новые хозяева. И люди интересовали их – как добыча. Немногие отважные сталкеры еще продолжали подниматься на поверхность, но опасностей было все больше, а добыча все скуднее. Пришлось научиться выращивать в туннелях шампиньоны, употреблять в пищу крыс, которых специально для этой цели разводили. На некоторых станциях держали свиней, но Верховный был почему-то категорически против свинофермы на «Спартаке». Возможно, считал, что отупевшими от вечного недоедания людьми управлять легче.

Жить в метро тоже становилось все страшнее. Не так давно случилась какая-то авария на Октябрьском Поле, и все оттуда разбежались. И совсем недавно дошла весть о резне на Полежаевской. Говорили, что на Беговой даже туннели в ту сторону взорвали. И Нюта поняла, что это конец. В глубине души она, конечно, упрямо надеялась на чудо, но умом уже понимала – никакого чуда не будет. Если мать не нашла ее до сих пор, то теперь этого точно ждать не приходится. И защиты просить не у кого.

Может, оттого их и выбрали. У Крыси мать умерла несколько лет назад, и других родственников не было. Нюта заметила – для жертвоприношения чаще выбирали сирот. Все помнили один случай, когда увели наверх слабоумную дочь пьяницы Тамары. Тамара еще со времен Катастрофы повредилась в уме и готова была пить все, что горит. Оттого и дочь у нее получилась не вполне нормальной. Верховный убедил Тамару отдать дочь для жертвы – мол, все равно она не жилица, это и врач Николай Федорович подтвердил. И Тамара вроде сама согласилась, но потом совсем спилась и стала нести что-то вовсе несуразное и непотребное, говорить крамольные речи. Через несколько дней ее нашли в углу станции – скрюченную, совсем синюю, но, как объявили потом, «без признаков насильственной смерти». Николай Федорович сказал – выпила что-то техническое, перепутала. Никто особо не удивился – в таком состоянии Тамара что угодно выпить могла. Но уж больно своевременно эта смерть случилась.

А им с Крысей вместо матери стала баба Зоя. И заботилась о них, учила, лечила. Вот только спасти не могла.

Баба Зоя по памяти рассказывала им сказки. В этих сказках принцессы попадали в беду, но в последний момент их спасали какие-нибудь дураки или рыцари, а может, рыцари-дураки, которым не жилось спокойно, которые предпочитали искать опасностей и приключений себе на все места. Нюта точно знала – на станции спасти их с Крысей дураков не найдется.

– Крыся, – спросила Нюта, – а что баба Зоя про Тушинскую рассказывает? Там ведь тоже люди живут?

С Тушинской изредка приходили торговцы, впрочем, с ними старались все вопросы решить побыстрее. И не вести досужих разговоров – за этим следили люди Верховного.

– Баба Зоя про это почти не говорит. Сказала, что всякий сброд там живет, с которым людям и знаться ни к чему. А вот Галка, повариха, рассказывала, что там республика, правит там бургомистр Гришка, и будто бы жить там можно совсем неплохо. К ней приходил один, оттуда, нравилась она ему, вроде даже с собой звал.

– А она что ж?

– Да она тут привыкла. А потом – боится она.

– Что Верховный не отпустит?

– Верховный-то, может, и отпустит, он открыто возражать не любит. Поулыбается, согласится, а потом, – Крыся понизила голос, – ее мертвой найдут, как Тамару. И скажут – сердечный приступ. А кому охота доискиваться? Не любит он людей выпускать со станции, чтоб лишнего не растрепали.

– Никто не выйдет отсюда живым, – машинально сказала Нюта.

– Вот-вот.

Сказанное было похоже на правду. Не зря же Верховный даже надписи на стенах не стал переделывать, оставил в прежнем виде. Чтобы все выглядело как обычно – ну, живут себе люди, молятся своим богам, как умеют, кому какое дело. Видно, понимал – если вскроется то, что он тут вытворяет, по головке его не погладят. Впрочем, вмешиваться было некому, на соседних станциях у всех своих проблем хватало по горло, не до того было, чтобы лезть в чужие. Если и дальше так пойдет, скоро они и подавно окажутся в изоляции и у Верховного будут развязаны руки. А с внутренними врагами он управляться умеет. Впрочем, что им с Крысей до этого? Для них все кончится в ближайшие дни.

– А правда, что станцию назвали в честь предводителя рабов?

– Баба Зоя говорит, что станцию назвали в честь стадиона наверху, а стадион этот в самом деле назвали в честь раба, который повел других рабов в бой против хозяев.

– И что с ним случилось?

– Не помню. Кажется, разгромили, схватили и казнили, – равнодушно сказала Крыся.

Нюта вздохнула.

– Ладно, давай спать. Несколько дней у нас в запасе еще есть.

* * *

Шатер Верховного снаружи был неказистым, а от других палаток внешне отличался разве что размером, зато внутри был убран затейливо. На роскошных, но замусоленных от времени покрывалах тут и там валялись пестрые подушки в шелковых наволочках, явно принесенные в свое время из какой-нибудь новорусской квартиры, но теперь тоже потрепанные. «Да уж, – любил размышлять иногда Верховный, глядя на эти подушки, – как бы ни был богат их прежний хозяин, это не спасло ему жизнь. Небось, давно уже и кости его сгнили где-нибудь там, наверху. Возможно, гробом ему стал навороченный джип. Не увез от смерти».

Зато он, бывший завлаб в дышавшем на ладан НИИ, может теперь валяться на этих подушках, раздумывая о превратностях судьбы. А все вокруг только и ждут знака, чтобы тут же исполнить его желания.

Убранство дополнялось парочкой бронзовых светильников, которые зажигались только в торжественных случаях – электричество приходилось экономить, старенький генератор не мог обеспечивать все потребности. С потолка свисали несколько китайских вееров, в углу стояла статуя собакоголового бога. Не совсем подходящий антураж, конечно, но приходилось довольствоваться тем, что удавалось найти сталкерам.

Звякнул бронзовый колокольчик у входа – робко, неуверенно.

– Да, входите, кто там есть, – сказал Верховный. – А, это ты, Миша.

В шатер протиснулся худенький лысоватый человечек в потертом свитере и защитного цвета брюках. Верховный молчал, ждал. Пришедший, присев на корточки, тоскливо оглядел веера и светильники, покосился на профиль Верховного – хоть на медали выбивай, добавь еще лавровый венок – будет вылитый Юлий Цезарь. Верховный был одет по-домашнему, в сером махровом халате, позаимствованном, скорее всего, там же, где и подушки.

– Чего ты хотел, Миша? – мягко спросил Верховный.

– Да я-то ничего... – неуверенно начал вошедший. – Меня Зоя просила поговорить с тобой, Юра.

– Ах, Зоя, Зоя, – с ласковой укоризной произнес Верховный. – Что-то много она стала позволять себе в последнее время.

– Хоть ее-то не трогай, Юра! – тоскливо вскричал человечек. – Ладно, считай, что я и сам поговорить хотел. Ведь так не может дальше продолжаться.

Верховный изобразил недоумение.

– О чем ты? Я что-то не пойму.

– Ты прекрасно все понимаешь, Юра. Эти девочки... зачем они умирают? Ведь ты сам не знаешь, что делать, Юра, ты так же ни в чем не уверен, как все мы, только скрываешь это. Прекрати эти ненужные жертвы, эти бессмысленные убийства, а то...

– А то – что? – переспросил Верховный. – Ты угрожаешь мне, Миша? Не думал я, что у нас до этого дойдет. Ты же знаешь – стоит мне крикнуть, и охрана от тебя мокрого места не оставит.

– Не пугай, Юра. Если ты хочешь, если ты посмеешь меня убить – убивай, мне все равно. Я скажу тебе, почему ты не можешь остановиться. Если сейчас посмеешь признаться людям, что столько девочек угробил напрасно, они тебя разорвут в клочья. Это тупик, Юра. Мы не можем остановиться, но и жить так дальше невозможно.

Верховный молчал. Когда он заговорил, тон его был совсем другим.

– Миша, Миша, ты просто устал. И я тебя прекрасно понимаю. Вспомни, сколько лет мы знаем друг друга, и ты всегда мне верил. Почему же сомневаешься теперь? Ведь мы с тобой сто раз уже обсуждали и пришли к выводу – правильно предсказать дату конца света удалось лишь индейцам. Значит, и в остальном они были правы. Конечно, у нас масштаб не тот, но мы ведь делаем все, что в наших скромных силах. Как говорится, чем богаты... И ты ведь соглашался со мной, что нужно отказаться от прежних богов, которые все равно не сумели спасти человечество. И что наша религия всемогуща, потому что она – единственно верная. Синтез верований индейцев и древних славян – ведь и они поклонялись Солнцу. Ведь только мы, Миша, мы одни во всем метро еще и задаемся глобальными вопросами о судьбах мира, мы здесь последний оплот духовности. Только мы в состоянии еще как-то поддерживать мировую гармонию. Все эти красные, синие, зеленые, коричневые – им не до того, они только между собой грызутся, самолюбие свое тешат. Даже в Полисе заняты не тем, хотя могли бы все проанализировать и сделать те же выводы, это ведь на поверхности лежит. Не напрасны наши жертвы, Миша, поверь. Помнишь, как ты восхищался моей гениальностью, когда я доказал, что через сорок два года после Катастрофы наступит уже полный и окончательный... конец света. И спасутся лишь избранные. Те, кто правильно понял происходящее, сумел верно истолковать знамения свыше. То есть мы.

– Да как это можно доказать? А вдруг не наступит?

– Ну, если не наступит, тогда я лично перед тобой извинюсь.

– Столько не живут, Юра, – вздохнул человечек.

Но видно было, что он уже сдается. Верховный, как всегда, сумел найти нужные слова.

– Значит, Зоя, говоришь, жалуется? – спросил он.

– Только не трогай ее, Юра, прошу тебя.

– Ну что ты. Я понимаю – ей тоже непросто. Она девчонок растила, привязалась к ним. А кому сейчас легко, Миша? Но мы должны уметь поступаться личным ради общественного. Да, сдала она за последнее время, сильно сдала. А ведь какая женщина была, Миша. Доконала ее подземка.

– Это не подземка ее доконала. Это ты ее доконал, Юра. Она извелась уже вся, вот-вот нервный срыв будет.

– Да? Ну спасибо, что предупредил. Я с ней поговорю, – успокаивающим тоном произнес Верховный. – Пойми, это исключительный случай, что приходится использовать в церемонии девочек со станции. Но, в конце концов, Зое не следовало бы принимать все так близко к сердцу. Она ведь им все-таки не родная мать.

«Плохо, – подумал он, когда посетитель ушел. – Даже старый, преданный друг уже начал во мне сомневаться. И Зоя что-то чудит».

До остальных ему дела не было – толпа, стадо баранов. Они покорно позволяют вытворять с собой все, что ему вздумается. Как говорится, каждый народ заслуживает то правительство, которое его имеет. А вот с Зоей теперь, как ни жалко ее, придется что-то решать. Миша-то не предаст его, несмотря ни на что: понимает, что они в одной связке. А вот у женщин нервы слабее, даже у таких мужественных, как Зоя. У них эмоции на первом месте, поэтому никогда не знаешь, чего от них ждать.

Второй визитер явился к нему через полчаса, когда Верховный все еще был погружен в невеселые размышления. Вошел без спросу, опустился на подушки. Широкоплечий, коренастый, лицо измученное, щеки заросли щетиной, короткие светлые волосы будто дыбом стоят. Камуфляжный комбинезон выглядит так, будто пришедший три ночи спал прямо в нем, не раздеваясь. Впрочем, возможно, так оно и было. И перегаром вроде пахивает слегка – Верховный даже носом покрутил.

Вот вам пожалуйста – сын и наследник. Радость и гордость. Надежда и опора.

– Игорь, ты опять пьешь, – вместо приветствия сказал Верховный. Тон был не вопросительным, а утвердительным.

– Отец, я хотел тебя попросить...

– Не надо, – усталым жестом остановил его Верховный, – я и так знаю, о чем ты будешь говорить. Ну скажи мне – разве мало девушек на станции? Разве на ней свет клином сошелся? Ты можешь гулять с любой, и ни одна не посмеет тебе отказать. А со временем мы найдем тебе хорошую жену – я позабочусь об этом.

– С любой, только не с ней? – уточнил Игорь.

Верховный неопределенно пожал плечами. Игорь понял это так, что отец своего решения насчет судьбы Нюты не изменит, но до назначенного дня Игорь волен поступать с ней как угодно – отец вникать в это не собирается.

– Но я не хочу так. Почему ее нельзя оставить в живых? Я только смотрю на нее – у меня на душе легче делается.

– Потому-то и нельзя. Она тебя словно околдовала – тебя, Зою. А что ты знаешь о ней? Ты знаешь, как ее нашли? Среди растерзанных останков. Взрослых, которые шли с ней, сожрали у нее на глазах. Она, единственная, осталась в живых, сидела одна в туннеле, среди монстров, как Маугли. Почему они ее не тронули? Что она там делала? Чем питалась? Может, она только выглядит как человек, а внутри у нее... Да кто знает, что там прячется? Может, это бомба замедленного действия? А если завтра вдруг механизм сработает и она начнет убивать? Я не могу доверить единственного сына такому созданию. Откуда ты знаешь, какие инстинкты в ней проснутся, – возьмет да загрызет тебя в первую ночь!

– Кто такой Маугли? – спросил Игорь.

– Это все, что тебя интересует?

– Нет, не все. Не убедил! Почему ей надо умирать именно сейчас? Если уж вы не убили ее сразу, как только нашли в туннеле. Ты главный, отец, тебе все можно. Замени ее кем-нибудь, никто не возразит. Не посмеет!

– Уж лучше бы убили, – в сердцах сказал Верховный. –хлопот сейчас было бы куда меньше. Но мне нравится ход твоих мыслей. Ты не просишь совсем отменить казнь, ты согласен пожертвовать другой девушкой ради нее. Это хороший знак. Когда ты одумаешься, ты можешь стать моим достойным наследником.

– Так ты спасешь ее?

– Нет, – коротко ответил Верховный и откинулся на подушки, давая понять, что разговор окончен.

– Ну, отец, – процедил Игорь. – Раз в жизни тебя как человека попросил. Этого я тебе не забуду!

И, не сказав больше ни слова, он выскочил вон из шатра.

«А я даже не помню, когда он в последний раз звал меня папой, – тупо подумал Верховный. – Наверное, когда еще совсем маленький был».

* * *

В центре станции собралась толпа. Здесь были почти все ее обитатели, кроме тех, кто оставался на постах. Мужчины в потрепанном камуфляже, женщины в убогой разномастной одежке слушали речь Верховного.

– Она была нашим верным соратником, самоотверженным и преданным. Светлая память о ней навсегда останется в наших сердцах.

«Умеет Юрка загнуть», – с тоской подумал низенький лысоватый человечек.

Он отчетливо понимал, что теперь уж точно все кончено. С тех пор, как в тот жуткий день, когда рушился мир, их привел сюда старший сын Юрки, Славик, по ему одному известным подземным ходам, они всегда держались вместе – он, Юрка, Зоя. Славик знал это место, потому что они не раз забирались в эти подземелья с друзьями. Играли тут в какие-то свои игры. По ночам, конечно, – днем через эту станцию на большой скорости пролетали поезда метро, идущие от Щукинской до Тушинской.

«Дети в подвале играли в гестапо, зверски замучен сантехник Потапов», – произнес человек вслух. На него покосились. Ему было все равно.

Юркина жена в тот день с утра ушла на рынок. Смешно, от какой ерунды зависит жизнь человека. Зоин муж был на даче. Там он, видно, навсегда и остался.

Когда стало ясно, что наверх уже не вернуться, они стали как-то приспосабливаться к новой жизни. Он до сих пор не понимал, как Юрке постепенно удалось подчинить себе весь этот разномастный сброд, который собрался на станции. Внушить им, что лишь он знает, что надо делать, чтобы уцелеть. Он подсознательно понял, в чем больше всего в тот момент нуждались люди, чей привычный уклад жизни вдруг рухнул. Люди, в одночасье потерявшие все. Страшно было даже не отсутствие еды – ее в первое время хватало. Довольно быстро отдельные смельчаки стали выбираться на поверхность и обшаривать ближайшие магазины. Но люди отчаянно нуждались в духовном лидере, который сумел бы объяснить им весь этот ужас. Убедить, что он был вызван не их собственной беспечностью, а какими-то космическими причинами. Что, в сущности, он был неизбежен, заранее предсказан – такие вещи всегда успокаивают. Люди готовы свалить все на богов, на стихии, только не на самих себя. И Юрка со своими бредовыми теориями пришелся тогда как нельзя кстати. Подвел, так сказать, теоретическую базу. Лишь потом Михаил стал понимать – перемудрил что-то Юрка насчет индейцев. Он и сам-то был не великий знаток древних религий, но смутно припомнил, что вроде бы человеческие жертвоприношения практиковало одно племя, а конец света предсказало другое, мирное.

Но к тому времени было уже поздно. Они все были повязаны этими жертвами, скованы одной цепью.

Да, это были уже совсем другие игры. Бывший завлаб и мелкий интриган нашел себе здесь обширное поле для деятельности.

Славика, его старшего, который привел их сюда, давно уже нет – какая-то тварь сожрала в туннеле. А Игорек, который попал в метро годовалым, вырос в сильного, широкоплечего, угрюмого парня. Вон он стоит чуть позади отца и ищет глазами в толпе Нюту.

Нюта и Крыся стояли чуть поодаль. Крыся тихо всхлипывала, у Нюты глаза были сухими.

– Этого я ему не прощу. Она мне как вторая мать была.

– Да что ты можешь сделать?

– Сейчас – ничего. Уходить надо отсюда. Потом поговорим, – она приложила палец к губам.

Они в молчании дослушали речь Верховного – он сообщил, что за особые заслуги перед станцией Зоя Колыванова будет похоронена в стене одного из туннелей. Потом тело понесли в туннель на носилках самые достойные граждане станции. Разумеется, под надежной охраной. Тело было покрыто цветами. Говорили, что из двух посланных за ними на поверхность обратно вернулся только один. Зато впечатление все это производило неизгладимое. Тело поместили в подготовленную заранее нишу, засыпали обломками цемента, положили сверху еще цветов. Охранники дали прощальный залп в темноту. Послышался топот чьих-то лап – выстрелы вспугнули крыс и каких-то животных покрупнее. Из темноты донесся тоскливый вой, но тут же затих. Все было кончено, люди потихоньку побрели обратно. Верховный тут же ушел к себе и велел его не беспокоить.

Нюта и Крыся сидели в палатке. Нюта зябко обхватила колени руками.

– Ты слышала, что он сказал: «от сердечного приступа».

– Ты в это веришь?

– Нет, конечно. Но если даже так – это он ее довел.

– Не говори так. Ведь она сама не обвиняла его, значит, и мы не должны.

– Кого же тогда винить в ее смерти? В том, что мы умрем?

– Баба Зоя очень странные вещи иногда обо всем этом говорила. Как будто Верховный не так уж виноват. Она считала – все дело в этой станции. Что и ей, и нам – всем не повезло оказаться именно здесь. Станция-то долгое время пустая стояла, брошенная. Она говорила, что места, где человек не появляется подолгу, обживает что-то другое. Еще до нас здесь поселилось зло.

– Неужели ты веришь в такие глупости? – сердито спросила Нюта. – Не ожидала от тебя. Знаешь, я себя теперь чувствую совсем свободной. Меня тут ничто не держит. Прежде я надеялась, что меня мать будет искать. Но, видно, ей что-то помешало. Потом меня только мысль о бабе Зое останавливала. Теперь, когда ее не стало, у меня развязаны руки. Уходить отсюда надо, Крыся.

– Куда?

– К Шукинской мы не уйдем, у тех туннелей кордоны сильные стоят. С тех пор, как на Полежаевской резня приключилась. Да и незачем туда идти – там никто не живет, только всякое зверье. Выход один – к Тушинской пробираться.

– Но там ведь тоже кордоны.

– Ха! Там совсем другое дело. Оттуда напастей особых не ждут, ставят стариков да подростков. Сегодня, я узнавала, там будут дежурить Михалыч и Колька – та еще парочка. Колька прилажился с открытыми глазами спать, а Михалыч всем рассказывает, что к нему по ночам мертвые девушки снаружи приходят. Не понимаю, как его еще в дозоры ставят. К тому же сегодня день такой – Верховный распорядился всем по кружке браги выдать к ужину. Помянуть Зою. Дозорным не дадут, конечно, но они найдут, где достать.

– Ну, допустим, мимо дозорных мы пройдем. А потом нас кто-нибудь сожрет в туннеле.
– Сожрет или нет – это еще неизвестно. Зато если будем сидеть на месте и покорно ждать, нас через несколько дней отведут наружу, где мы уж точно...

Крыся подумала, кивнула. И сразу стала деловитой и озабоченной.

– Ладно, тогда давай собираться. Надо взять с собой еды. Оружие вряд ли мы сумеем раздобыть, это плохо. Но нож у меня есть. Он, правда, скорее для хозяйственных нужд, но острый.

– У меня тоже, – сказала Нюта. – Я у Игоря стащила, когда он как-то к нам заглядывал. Он пьяный был, думает, наверное, что потерял где-то.

* * *

К вечеру, как и предсказывала Нюта, трезвых на станции почти не осталось. Кому-то с непривычки и кружки браги хватило, кто-то нашел, где добавить. Некоторые дремали, несколько человек у костра нестройно и невпопад пели про черного ворона. Верховный не показывался.

Еще через пару часов люди окончательно угомонились. Слышалось лишь натужное дыхание спящих, кто-то храпел, кто-то стонал во сне.

– Пора, – сказала Нюта. Она была в белом платье, но поверх него накинула потрепанную Зоину хламиду защитного цвета, которую взяла в память. Крыся предпочла выдавшие виды камуфляжные брюки и такую же ветровку, но платье свое на всякий случай сунула в рюкзак, куда уместились все ее скромные пожитки.

Они тихонько пробрались между палатками туда, где чернело жерло туннеля. Перед самым входом было навалено несколько цементных блоков, мешки с песком. На них прикорнул смазливый светловолосый подросток, прижав к себе автомат. Он даже головы не поднял при их появлении, зато встрепенулся сидевший рядом старик.

– А, кто такие, куда? Приказано не пущать, – сурово заявил он.

Нюта понимала, что все висит на волоске. Теперь все зависело от того, что в следующий момент взбредет Михалычу в голову. Вздумай он закричать, поднять тревогу – и они пропали. Второй такой возможности у них не будет.

Она решительно сбросила с плеч хламиду и шагнула вперед.

– Ты разве не узнаешь нас, Михалыч? – вкрадчиво спросила она.

– Голубоньки мои, – умилился близорукий Михалыч. – Не забываете старика, навещаете. А мне не верит никто... счас вот Кольку разбуду, Виталика позову, чтоб тоже на вас посмотрели. Колька, хватит дрыхнуть.

Девушки вздрогнули. Подросток приподнялся, обвел всех непонимающими глазами и тут же рухнул обратно.

– Не зови никого сейчас, Михалыч, у нас к тебе дело секретное, – сказала Нюта.

– Лапушка моя! Да ведь ты меня знаешь – ни словечка никому не скажу! Могила!

– Нам сейчас уходить пора, Михалыч, но мы скоро снова придем. И Верховного заберем с собой – заждались его там, наверху.

У Михалыча отвисла челюсть и округлились глаза. Но Нюта прижала палец к губам, и он суетливо закивал, обалдев от важности доверенного ему известия. И молча проводил глазами две фигурки, скользнувшие в темноту туннеля.

– Зачем ты так! – с упреком спросила перепуганная Крыся, когда пост остался далеко позади. – Теперь Верховный еще больше обозлится.

– Может, мне надо было зайти к нему перед уходом, поцеловать на прощанье? – шепотом поинтересовалась Нюта. – Дура ты, Крыська. Тебя убивать будут, а ты еще спасибо скажешь за такую великую честь.

– А если он за нами погоню пошлет?

Нюта не ответила. Ее до сих пор была нервная дрожь. Совсем рядом вдруг послышался шорох. Крыса? Девушки сразу вспомнили, где находятся.

– Хватит ныть, – шепнула Нюта. – Не время сейчас выяснять отношения – самое страшное только начинается.

Они быстро устали и теперь брели по инерции, понимая, что останавливаться нельзя. Фонарь погасили, чтоб не сели сразу батарейки. Правда, у Крысы был с собой еще один фонарик, который приводился в действие механическим способом. Следовало постоянно нажимать на ручку, тогда каким-то загадочным образом зажигалась лампочка. Но этот процесс сопровождался таким скрежетом и шумом, что пользоваться фонарем здесь было страшновато.

До поры до времени все было спокойно. Но потом вокруг начали раздаваться странные звуки. Совсем рядом с Нютой послышался вдруг отчетливый кашель – будто кто-то прочистил горло. Девушки в ужасе прибавили шагу, не решаясь даже включить фонарик. Они боялись увидеть что-то такое, что совсем парализует их волю.

– Не бойся, Нют, это мыши летучие, наверное, – пробормотала дрожащим голосом Крыся.

– А разве они здесь водятся? – усомнилась Нюта.

И, словно в ответ на эти слова, рядом раздалось тихое, совсем человеческое хихиканье.

Тут девушки рванули вперед так, будто за ними гнались все обитатели «Спартака». Но через некоторое время все же выдохлись и опять побрели еле-еле.

– Господи, у меня даже в ушах шумит – так сердце колотится, – пожаловалась Крыся.

– Это не в ушах, – через некоторое время сказала Нюта. – Это за нами кто-то идет.

Через некоторое время все сомнения отпали – сзади действительно слышались осторожные, шаркающие шаги. Нюта, собравшись с духом, решительно посветила фонариком и увидела, как отпрянула от них в чернильную темноту тварь размером с собаку, но с чешуйчатой мордой. Желтые глаза злобно блестели из-под костистых выростов.

– Что там? – спросила Крыся.

– Не знаю. Помнишь, нам баба Зоя показывала в какой-то книжке крокодила. Ну вот, очень похоже, только лапы длиннее.

В глубине души Нюта даже испытала облегчение оттого, что их преследует не человек. Ей казалось, что от встречи в таком месте с человеком ничего хорошего ждать не приходится. Она помнила рассказы про мутантов, которые собирались в шайки и нападали на людей, мстя им за свою ущербность. В рассказы о призраках она не слишком верила, но одно дело – слушать их у костра на станции, и совсем другое – вспоминать в туннеле, где с перепугу за любым выступом мерещится притаившийся убийца или кто-нибудь пострашнее.

– Что нам делать? – спросила Крыся.

– Пойдем дальше, может, сама отвяжется.

Они пошли, иногда оборачиваясь и светя назад фонариком. Тварь все так же плелась за ними, потихоньку сокращая расстояние. От луча света она каждый раз отпрыгивала, но недалеко. Больше того – им показалось, что сзади за ней бредет еще одна. Видимо, животные дожидались, пока девушки выбьются из сил и станут легкой добычей.

– Черт, ногу сводит, – простонала вдруг Нюта.

Она еще в детстве прихрамывала, потом это почти прошло. Но стоило ей перенервничать или переутомиться, и нога вновь начинала ныть.

– Не могу больше. Иди вперед, Крыська, я эту гадину здесь дождусь.

– Ну уж нет, – сказала бледная от страха Крыся. – Вместе дождемся.

Тварь попыталась обойти их сбоку. Вторая держалась сзади и не предпринимала попыток напасть.

Крыся с ножом в руке следила за ее маневрами. Тварь почему-то больше интересовалась ею, чем Ньютой.

В тот момент, когда тварь бросилась, Крыся попыталась отпихнуть ее ногой. На ней были настоящие, хотя изрядно потрепанные, сталкерские ботинки, предмет ее гордости и зависти окружающих. Массивные, тяжелые, добротные, из настоящей кожи. Хотя ходить в них было тяжелее, чем в кирзовых сапогах, например. Наверное, поэтому бывший владелец и уступил их Крысе. И хотя под них приходилось наматывать кучу тряпок, чтобы ботинки не сваливались, Крыся считала, что ей повезло. И не ошиблась. Зубы твари намертво увязли в ботинке, она не сумела даже прокусить его.

Нюта вдруг стремительно нагнулась и ловким движением перерезала твари горло. Брызнула кровь, животное засучило лапами и издохло. Вторая тварь тут же попятилась назад, в темноту.

– Ну, ты даешь, – пробормотала Крыся. – Ботинок-то помоги освободить.

– Да брось его здесь, – сказала Нюта. Глаза ее возбужденно блестели.

– Ты с ума сошла? Как я в одном ботинке дойду? Да и не собираюсь я первой встречной зверюге такую обувь уступать.

Нюта, не слушая, наклонилась и провела ножом по чешуйчатой шкуре.

– Что ты делаешь?

– Надо мяса с собой взять. Про запас.

Крыся подумала, что подруга спятила на нервной почве. Ей опять пришли в голову рассказы о том, как нашли в туннеле маленькую Ньюту. Может, это там она научилась сырым мясом питаться? Может, и кровь пить, чего доброго? Она, отгоняя дурные мысли, шагнула к подруге, обняла ее, удерживая.

– Нюточка, какое мясо? У нас с собой есть кое-что, я тебя покормлю, если ты голодная. Мы уже скоро на Тушинской будем, там и люди, и еда есть. Ты ведь не знаешь, что это за зверь, может, у него мясо ядовитое? Да и уходить надо, пока не поздно, помнишь, что баба Зоя говорила? О тварях, которые собираются на запах свежей крови?

Упоминание о бабе Зое Ньюту вроде бы отрезвило. Она как будто успокоилась и покорно позволила себя увести. Благо Крысе удалось, наконец, освободить из зубов твари свой растерзанный ботинок.

Они побрели дальше. До Тушинской, по мнению Крыси, оставалось не так уж долго идти.

* * *

Крыся ошибалась – обозлиться больше Верховный не смог бы при всем желании. Девушек хватились под утро. Повариха Галка заглянула к ним в палатку в поисках своего хозяйственного ножа и, не найдя ни ножа ни девушек, подняла тревогу.

Верховный быстро вычислил, куда могли уйти девушки. Но Михалыч в ответ на все расспросы нес что-то вовсе несуразное, а Колька только хлопал глазами. Наверняка спал на посту, гаденыш. Верховный охотно удавил бы его собственными руками, но сейчас нельзя было настраивать людей против себя.

Он вдруг понял, что давно уже люто ненавидит эту долговязую светловолосую девчонку, которая исподволь прибрала к рукам и настроила против него самых близких ему людей – Зою и сына. Если бы не Нюта, Зоя была бы сейчас жива. А в довершение всего эта девица бросила вызов ему самому, поставила под сомнение незыблемость его власти и установленного порядка. Не говорю уж о том, что, если девчонки не найдутся, придется в срочном порядке искать новые жертвы, а где их взять? Среди своих? Люди и так уже недовольны, а начни отнимать у них дочерей, может вспыхнуть бунт.

До недавнего времени эти вопросы удавалось как-то решать. Его наемники рыскали по соседним станциям, сманивая девушек оттуда. Иногда обращались к голодающим родителям с предложением продать дочь – не уточняя, естественно, с какой целью. К сожалению, в большинстве случаев люди предпочитали вместе тихо умирать от голода, чем продавать свою кровиночку в чужие руки. В последнее время стало и вовсе туго – на «Октябрьском Поле» уже не жили, Шукинская тоже опустела, а на Тушинской не то чтобы прямо подозревали их, но бдительность на всякий случай удвоили. Поэтому и пришлось решиться на такую исключительную меру – назначить в жертву девчонок, знакомых всем с детства. Допустим, к Нюте на станции всегда относились с опаской, но ласковую уступчивую Крысю многие любили. Люди помнили ее мать – беспечную и безалаберную, но никогда не сказавшую никому худого слова. И им жаль было девчонку, которая в своей недолгой жизни и так не много хорошего видела. Поэтому Верховный в этот раз особенно нервничал – пусть бы поскорее все было уже позади, думал он, а со свершившимся фактом люди рано или поздно смирятся. Только бы все гладко прошло. И вот, как нарочно, именно в этот раз все грозит сорваться.

Нет, девчонок надо вернуть обязательно – или хотя бы уничтожить. Чтобы все знали, что бывает с непокорными. Если им удастся выбраться к людям, они ведь могут все разболтать – и неизвестно, что из этого получится. На Тушинской спят и видят, как бы прибрать к рукам соседнюю станцию, а теперь и повод для этого найдется.

И в который раз он пожалел, что они не удавили это чертово отродье в туннеле, как только нашли. В последнее время он видел в ее глазах что-то такое... как будто он столкнулся с враждебной волей, не менее сильной, чем его собственная.

Верховный приказал найти и прислать к нему двух лучших исполнителей, которым он поручал самые щепетильные дела.

Хряк, несмотря на плотную комплекцию, появился в шатре совершенно бесшумно. Его внешность толстого, добродушного выпивохи обманывала многих. На самом деле у него были стальные мышцы, а двигаться он умел с кошачьей грацией. Что до прозвища – он получил его из-за звука, который издавала его дубина, обрушиваясь на голову врага – будь то зверь или человек.

Но совсем незаметно возник в шатре второй – человек-невидимка. Лицо у него было настолько неприметное, что люди его не запоминали, не узнавали. Этот мог спокойно подслушивать любые разговоры, затесавшись в толпу, – и никто не обращал на него внимания, не подозревал в нем соглядатая. Верховный особенно ценил его за эти качества.

– Вернуть или убить? – уточнил невидимка. Из-за спущенного на лоб капюшона невозможно было понять, что выражают его глаза.

Верховный кивнул:

– Если все-таки придется их ликвидировать, попробуйте срочно найти им замену на Тушинской. Положение у нас безвыходное. Нам необходимо, чтобы в ближайшие дни две девушки для ритуала были у нас наготове.

Хряк выразительно пожал плечами. Верховный и сам знал, что задача трудная.

Второй смотрел молча. И о чем он думает, Верховный снова понять не мог.

– Ну, в путь, – сказал он, повелительно протянув руку.

И двое убийц, не тратя времени, пустились по следу.

* * *

Они шли довольно долго и стали уже опасаться, что девушки успели добраться до Тушинской. И все же их удалось нагнать – почти на подходах к станции.

Услышав впереди их неровные шаги, невидимка облегченно вздохнул. Он по шагам слышал, что они измучены и напуганы. С ними легко будет справиться, через несколько минут

все будет кончено. Придется убить, конечно, не тащить же их обратно в такую даль. На плечах нести тяжело, угрозами заставить идти самостоятельно, гнать пинками тоже вряд ли получится. Ведь они знают, что им по любому умирать, могут и заартачиться. А впрочем, кто знает?

Он терпеть не мог работать в паре, и Хряк успел его достать по дороге. Он нес какой-то вздор, сравнивал достоинства браги, которую гонят у них, и той, что приносят с Тушинской. Потом заявил, что вторая девчонка, темненькая, очень даже ничего. Вполне в его вкусе. Невидимке все это было глубоко безразлично, он еле сдерживался, чтобы не наорать на напарника.

В середине пути они споткнулись обо что-то на шпалах. Невидимка посветил – там валялась верхняя половина какого-то животного величиной с собаку. Нижнюю кто-то откусил, и совсем недавно – кровь вокруг была еще свежей. Рядом лежал обрывок белой ткани – невидимка мог бы поклясться, что это лоскут от платья одной из девчонок. находка заставила его призадуматься.

Но, услышав шаги девушек впереди, он опять успокоился. Они наверняка устали, голодны и напуганы до полусмерти. Возможно, ранены.

Убийцы начали быстро и бесшумно приближаться к девчонкам. Одна отставала, и Хряк нацелился на нее. Метнулся вперед, в темноте послышалась какая-то возня.

Невидимка кинулся туда, где, по его расчетам, должна была находиться вторая. Но руки схватили пустоту. И еще прежде, чем девчонка, которую держал Хряк, заорала, словно паровозная сирена, он понял, что все пропало. Кинулся в глубину туннеля и затаился за каким-то выступом. Со стороны Тушинской послышались громкие встревоженные голоса, затопали сапоги – бежал патруль.

«Недооценили сложность задачи, – думал невидимка. – Были уверены, что предстоит иметь дело с двумя обыкновенными бабенками. И совсем не учли, что обычные бабенки ни за что не решились бы ночью идти в туннели, даже под угрозой смерти».

Он слышал голоса патрульных. Что там Хряк? Почему затих?

И вдруг он услышал стон напарника. Невидимка сразу понял, что больше он здесь ничего сделать не может. Они провалили поручение. Оставалось дожидаться более благоприятного момента. Он сел и достал из рюкзака кусок свинины – как бы там ни было, силы следовало беречь.

Один из патрульных поддерживал рыдающую Крысю, другой склонился над Хряком. Посветил фонариком. У того в животе торчала рукоять ножа. Он глухо стонал.

– Эк ты его саданула-то, – неодобрительно сказал патрульный. – Подержи-ка фонарик. Ща, брат, потерпи немножко.

С этими словами он нагнулся над Хряком, нашел какие-то точки на шее и вдруг резко нажал. Тот дернулся, обмяк и больше не шевелился. Крыся выронила фонарь, который чудом не разбился.

– Так вы... его... того... – пробормотала она.

– А что ж мне с ним было делать? Не на станцию же тащить. Не жилец он был – прямо в печень ты его пырнула, да и кишки попортила. У нас и врачей-то нет, чтоб такие раны лечить. Эх, девки... можно подумать, убудет с вас. Через тебя одним бойцом меньше стало, – проворчал патрульный, нагибаясь за фонарем.

Крыся задрожала – она решила, что теперь патрульный и ее прикончит. Хотела что-то объяснить, но Ньюта, стоявшая рядом, сделала ей знак молчать. К счастью, патрульный, видимо, был настроен философски.

– Ты, девка, раз такое дело, молитву хоть какую ни есть над ним прочти. Чтобы успокоилась душенька его грешная.

У Крысы глаза опять налились ужасом. И все же она пробормотала несколько слов, которые слышала в таких случаях от бабы Зои. Патрульного это вполне устроило.

– Ладно, пошли, – сказал он, – на станции разберемся. Этот пусть здесь пока полежит.

Невидимка услышал, как удалялись патрульные и девушки. Потом быстро, бесшумно приблизился к Хряку, убедился, что напарник мертв. Тем не менее, порученное им дело следовало довести до конца. Девчонки пока никуда не денутся с Тушинской, а он придет туда попозже, когда успокоится вызванный их появлением переполох. Оценит обстановку и будет действовать по обстоятельствам. Он нашел место поудобнее, уселся, прижавшись к стене, и задремал вполглаза.

Глава 2

Вольный город Тушино

Девушки, слегка оправившись от испуга, с трудом поспевали за патрульным, одновременно разглядывая станцию. По сравнению со Стадионом «Спартак», главным украшением которого служили надписи на стенах, Тушинская показалась им необыкновенно красивой и просторной. Стены были отделаны светлым мрамором, четырехугольные колонны облицованы серо-голубым. Вдоль каждой стены почти возле самого потолка был выложен на бордовом фоне белым нехитрый зигзагообразный орнамент, но даже такое незатейливое украшение казалось девушкам нарядным. Они насчитали четыре металлических прямоугольных вставки, на которых, как на картинах, были изображены какие-то неизвестные им аппараты. Вдобавок станция была освещена гораздо лучше, и здесь были настоящие светильники, а не лампочки, свисающие вниз на шнурах. Гладкий пол состоял из красивых сероватых и коричневатых квадратов, идти по которым было чрезвычайно приятно. Им даже неловко стало за свой зачуханный вид – люди здесь были одеты куда лучше и разглядывали их с любопытством и словно бы с сочувствием. Попадались мужчины в камуфляже, но многие были одеты в клетчатые рубахи и облегающие брюки разных оттенков синего цвета. А уж про женщин и говорить нечего – на Стадионе «Спартак» о таких нарядах и мечтать не приходилось. Нюта машинально отметила про себя, что особенно модными здесь, видимо, считались халатики и платья примерно до колена свободного покроя из блестящего цветастого материала и яркие тапочки разных цветов.

– А говорили, что всякий сброд здесь живет, – пробормотала замороженная Крыся. – А здесь вон как... шикарно.

– Затем и говорили, чтоб наши сюда не бежали, – сделала вывод Нюта.

Поперек станции выше человеческого роста было натянуто продолговатое полотнище. На белом фоне синими крупными буквами было написано: «Добро пожаловать в вольный город Тушино!» Дальше виднелся еще один плакат с зеленой надписью «Нечего ждать милостей от природы!». Кто-то, видимо, от себя, неровным почерком добавил внизу: «Дождались уже». А справа на стене Нюта заметила большой лист бумаги, на который были наклеены листочки поменьше. Что написано на них, она разобрать не смогла, прочитала лишь заголовок сверху: «Здорово все, что не больно!» Можно было сделать вывод, что живущие здесь люди стремились стойко переносить удары судьбы и не впадать в уныние.

Жилища тут отличались разнообразием. Кто-то обитал в палатке ярко-зеленого или оранжевого цвета, кто-то, видимо из одиноких, довольствовался складной кроватью, кто-то расположился на надувном матрасе. Заметила Нюта и странную деревянную конструкцию, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся большой двухъярусной кроватью, задрапированной полотнищами ткани по бокам так, что получалось компактное уютное жилье.

Специальная площадка была отведена детям. Худые, бледные, но вполне жизнерадостные, они возились с громадными потрепанными матерчатыми игрушками, съезжали с красной пластмассовой горки на каменный пол. Стряпуха в заляпанном светло-зеленом халате что-то варила в громадном металлическом баке. Девушки сразу вспомнили, что у них давно уже ни крошки во рту не было.

Патрульный привел их в небольшое подсобное помещение, кафельные стены которого были увешаны исписанными листами бумаги. За столом сидел человек в таких же, как у большинства, синих брюках, серой толстовке и бордовой бейсболке. На вид ему было лет сорок, лоб был прорезан морщинами, но небольшие серые глаза глядели весело. Нюта решила, что бейсболку он носит, чтобы прикрыть залысины.

– Вот, господин бургомистр, – доложил патрульный, – гражданочки пришли со «Спартака». С ними еще один был, но у них, видно, по дороге размолвка случилась. Так что теперь он там, в туннеле лежит.

И патрульный вкратце обрисовал ситуацию так, как она ему виделась.

– Ну, а документы у вас есть? – спросил бургомистр. И в ответ на этот простой вопрос девушки, не сговариваясь, разрыдались.

Документов у них не было. Они хранились у бабы Зои, а после ее смерти их забрал Верховный. Видимо, считалось, что раз им все равно нельзя выходить со станции, то и паспорта им ни к чему. Больше того – у них не было и патронов, заменявших местную валюту. Они только сейчас начали осознавать, что оказались без документов, без средств к существованию среди абсолютно чужих людей, которые вовсе не обязаны о них заботиться. А у них в активе еще и труп мужчины, наверняка посланного за ними в погоню. Ситуация, мягко говоря, неприятная. И последствия всего этого могут быть для них очень печальными.

Бургомистр, услышав их рыдания, замахал руками:

– Ну что вы, в самом деле, все будет хорошо.

Он обернулся к патрульному:

– Скажи Клаве, чтобы принесла им чаю. И поесть чего-нибудь. Да Марину мне побыстрее найди.

Через несколько минут перед девушками стояли дымящиеся фарфоровые кружки и эмалированные миски с каким-то варевом. Они жадно набросились на еду. И тут в помещение вошла женщина. Они, как замороженные, уставились на нее.

Ни Нюта, ни Крыся таких никогда не видели. У женщины было надменное, красивое, словно кукольное лицо, синие глаза, светлые пушистые волосы, красиво подстриженные. Одетая она была в серое платье, по сравнению с которым цветастые халатики остальных сразу показались просто убожеством. И на ногах были не шлепанцы, а туфли, хоть и на плоской подошве. От нее даже пахло чем-то приятным, цветочным. Всем своим видом она словно заявляла: «Все будет так, как я хочу. Ничего неожиданного или неприятного со мной случиться не может».

Нюта с трудом подавила возникшее было желание уткнуться лицом ей в подол и тут же во всем покаяться.

– Ну вот, Марина, – пожаловался ей бургомистр, – разберись хоть ты. Они плачут, я ничего понять не могу.

Женщина схватывала все на лету. Ей, видимо, в общих чертах уже рассказали, что произошло.

– Значит, вы шли сюда, а этот человек набросился на вас в туннеле? И вы защищались? Или вы шли все вместе? Судя по документам, он с вашей станции. Он вас сопровождал?

Нюта что-то невнятно промычала и опять всхлипнула. Марина истолковала это как согласие.

– Ну, не бойтесь. Никто не собирается вас обвинять без выяснения всех обстоятельств. Я не могу поверить, – обернулась она к бургомистру, – что две худенькие девочки могли прикончить взрослого здорового мужчину. Наверное, все не так просто, как нам тут рассказывают.

Бургомистр согласно закивал. Видно было, что он во всем на нее полагается.

– Там еще один был, – вдруг выдавила из себя Крыся. – Он сбежал.

Марина нахмурилась:

– То есть, этот человек шел с вами, а тот, другой, напал на него, ранил и скрылся?

Нюта тут же судорожно закивала. Крыся, глядя на подругу, закивала тоже.

– Ну, полно, – сказала Марина, – теперь все ясно. Успокойтесь, мы вам поможем. Вы, конечно, хотите при первой возможности вернуться обратно, на свою станцию?

Девушки, не сговариваясь, отчаянно замотали головами. Марина опять нахмурилась.

Нюте показалось, что у нее еще полно к ним вопросов, просто она поняла, что сейчас ничего путного от них не добьется.

– Ну что ж, отдохайте, – заключила Марина, – а там будет видно. Сейчас я отведу вас в гостевую палатку, Клава покажет, где можно помыться. А потом что-нибудь придумаем.

Стряпуха в зеленом халате отвела их в душевую. Девушкам, привыкшим поливать друг друга из пластиковых бутылок, настоящий душ, пусть и ржавый, показался чем-то сказочным. Им даже выдали цветастые халатики, в которых было как-то непривычно свободно. Они с радостью принялись стирать свою одежду. Нюта пыталась оттереть кровавое пятно на белом платье, но с непривычки сунула его сразу в горячую воду, и пятно теперь не отстирывалось. А слишком сильно тереть она боялась – платье, сшитое наспех из всяких лоскутов, могло вообще развалиться, а ей почему-то не хотелось с ним расставаться. Пришлось смириться с бурым пятном на самом видном месте, возле выреза.

Разморенные, они добрались до отведенной им небольшой палатки, отметив по дороге, что, хотя теперь они и выглядят почти как все, почему-то окружающие все равно с интересом их разглядывают. Рухнув на подстеленные одеяла, девушки тут же уснули.

Проснувшись, они долго не могли сообразить, где находятся. Потом припомнили все и рассмеялись от облегчения.

– У нас получилось! – воскликнула Нюта, но сразу стала серьезной.

– Расслабляться нам нельзя. Верховный этого так не оставит, пришлет кого-нибудь еще за нами. Лучше быть настороже, постараться выправить здесь хоть какие-нибудь документы, раздобыть еды и патронов. А потом придется дальше уходить.

– Куда?

– На Сходненской, говорят, тоже люди живут. Нам вообще надо разузнать побольше, сейчас любая информация может пригодиться, любые подробности важны. И помни – ни в коем случае нельзя рассказывать все как было. Пусть думают, что мы шли вдвоем, а четвертый на нас напал. Патрульные ничего ведь не видели, только слышали, как ты орала. А потом, мы тоже ничего не говорили, все больше плакали.

– А почему нельзя рассказать все как есть?

– Да они просто не поверят. Подумают, что мы сумасшедшие, и тогда точно постараются отправить обратно, избавиться от нас. Представь себе – появились две девчонки без документов и рассказывают какие-то байки. Подумают, что мы перебрали напиток, который дает красивые сны. К чему из-за нас с соседями ссориться?

– Может, ты и права, – вздохнула Крыся. – Знаешь, я боюсь этой Марины. Она с виду такая ласковая, а смотрит – словно насквозь просвечивает.

– Будем осторожнее с ней. Бургомистр-то, кажется, попроще.

Они выбрались из палатки. Неподалеку горел костер, вокруг сидели люди и пили горячий чай. Девушки подсели к ним, им тут же протянули по кружке.

– Так это вы с Волоколамской будете? – спросила женщина в халатике веселенькой расцветки, усыпанном яркими красными цветами по зеленому полю. В этой одежде лицо ее, и так бледное, казалось и вовсе бесцветным.

«Нет, такие ткани на самом деле только брюнеткам идут, – подумала Нюта. – Вот Крыське хорошо в таком ярком наряде. А у меня, к счастью, халатик попроще – на синем фоне какие-то розоватые разводы».

– Откуда вы только такую красоту берете? – указывая на платье, вместо ответа спросила она.

– Да ведь тут наверху Тушинский рынок неподалеку был, – охотно объяснила женщина. – Вьетнамцы этими кимоно торговали, выдавали за шелковые. Может, это и шелк, только ацетатный. Искусственный, – пояснила она, глядя на удивленную Нюту. – Зато сноса им нет, и стирать легко, вот все и обрядились. Тем более, наверху сейчас лето, потому и здесь у нас,

внизу, тепло. Зимой-то, конечно, так не походишь, в ватники влезать приходится. – И еще раз спросила: – Вы – те самые девушки, с Волоколамской?

Отмалчиваться не получалось.

– Мы не с Волоколамской, мы со Стадиона «Спартак», – ответила Крыся.

– Знаете что, вы лучше свою станцию по-старому называйте – Волоколамская. А то, хоть вы и девушки, а мало ли что. Тут, видите ли, большинство таких собралось, которые в прежней жизни болели за «Динамо» и ЦСКА. Как бы чего не вышло, – сказал пожилой мужик в потертой клетчатой рубашке и черных штанах, вытянутых на коленках.

Из этой речи девушки почти ничего не поняли. Сообразили только, что мужик чем-то недоволен.

– Странное какое название, Волоколамская, – заметила Нюта.

– Так когда-то эту станцию называли. Это потом наверху над ней вместо аэродрома решили строить стадион и переименовали ее в «Спартак». Волоколамской назвали другую, не по этой ветке, но недалеко отсюда. Потому что наверху шоссе было с таким же названием. А почему шоссе так называлось, уже почти никто не помнит.

– Да что тут помнить, – встрял в разговор тощий мужик лет тридцати с испытанным лицом. – Я пацаном тогда был, и то знаю. Шоссе называлось Волко-Ламское, потому что когда-то тут были леса, и волков было пропасть. Ну, и ламы тоже водились.

– Насчет волков не знаю, врать не буду, – авторитетно сказал плечистый дядька в синих штанах и черной рубашке, – а ламы здесь и теперь водятся. Бегают очень быстро, и вот такие клыки у них, – он показал свой палец. Палец был внушительный. – Не дай бог догонят – на клочки порвут.

– Да путаешь ты что-то, Викинг, – робко возразил пожилой мужик, – ламы вроде не у нас, а в Америке жили. И питались травой, а не человечинной.

– Так то до Катастрофы, – веско возразил молчавший до сих пор мужчина, лицо которого было в тени.

– Я путаю? – гневно переспросил Викинг. Видно было, что к возражениям он не привык. – Да я их сто раз видел, просто не знал, как они называются. А вот теперь он сказал, я сразу и понял – это точно ламы. Кому еще и быть-то?

– Ну, может, из Зоопарка прибежали и расплодились, – примирительно сказал пожилой мужик. – По мне, как ни называй всех этих, которые теперь наверху бегают, а имя им одно – нечисть.

– А водяные вас там не донимают? – спросил плечистый.

– Какие водяные? – удивилась Нюта.

– Ну, у нас же тут кругом вода. С одной стороны Строгино, недалеко совсем, а подальше – Покровское-Стрешнево, усадьба старинная, пруды. Водохранилище Химкинское, опять же, канал. Там тоже всякие твари живут, не к ночи будь помянуты.

– Но они же в воде, наверное, живут, на сушу не лезут.

– Так они, гады, на глазах приспособляются. Повадились по канализационным стокам пробираться. Пару раз уже сюда заявлялись, к нам, – ну, мы их достойно встретили. Ошметки так и летели! Эх, чувствую, скоро конец придет нашей линии. Выживут нас эти твари из последнего нашего убежища.

– А на Полежаевской-то что вышло, – начал опять пожилой мужик. – А я ведь знал, что станция эта не простая. Там ведь путей-то не два, а три. И две платформы. Хотели когда-то ветку боковую прокладывать, в Серебряный Бор, а потом раздумали. Но тупик там остался, сколько успели выкопать. Я думаю, в этот самый тупик какая-то нечисть сверху и прокопалась. И всех сожрала. К вам-то никто не заявлялся с той стороны?

Крыся отрицательно покачала головой.

– А ведь ваша эта станция, девки, тоже нехорошая, – продолжал пожилой. Нюта вздрогнула.

«Неужели он знает?» – пронеслось у нее в голове. И тут она заметила парня, который наблюдал за ней, иронически подняв бровь. Она смутилась и отвернулась.

– Зря не слушаешь, – продолжал пожилой. – Вот скажи мне, сколько времени вы к нам сюда шли?

– Не знаю, – пробормотала Нюта, – кажется, очень долго. Несколько часов.

– И сколько километров примерно прошли? – не унимался мужик.

Бедная Нюта имела очень приблизительное понятие о расстояниях, как, впрочем, и Крыся.

– Десять, – брякнула она наугад. Но мужика ее ответ вполне устроил.

– То-то и оно, – важно поднял он палец вверх. – А ведь на самом деле от вас до нас поверху и километра не будет. Вот как такое может быть?

– Правду он говорит, – неожиданно согласился плечистый. – Станция ваша на месте Тушинского аэродрома построена. Недалеко совсем это. А наши тоже рассказывают: то, бывало, быстро дойдут, а то идут-идут, и конца пути не видно. Не любят у нас поэтому к вам ходить.

– Да и люди у вас там неприветливые, смурные какие-то, – поддержал пожилой.

Нюта украдкой разглядывала парня. У него были правильные черты лица, прямой нос, тонкие губы и большие серые глаза, уголки которых чуть приподнимались к вискам. Нестриженные темно-русые волосы свободно падали на плечи. Она обратила внимание на то, какие красивые у него руки, тонкие пальцы – он рассеянно перелистывал какую-то книгу. Одет он был в свободную длинную рубаху и такие же, как у многих, синие штаны, сидевшие на нем в обтяжку. «Если бы он был девочкой, то это была бы очень красивая девочка», – попыталась Нюта сформулировать для себя свои впечатления.

Парень, заметив, что она его разглядывает, опять усмехнулся. Видимо, привык, что девушки таращатся на него, раскрыв рот.

– Да ладно, чего мы к девчонкам привязались, в самом-то деле? – сказал плечистый примирительно. – Люди, понимаешь, у них неприветливые! Живут трудно, вот и неприветливые.

– А кому сейчас легко? – спросил пожилой.

– Не скажи. Вот на Сходненской одно время сносно людям жилось. Там у них и магазинов полно уцелело поблизости, а еще там ведь Тушинский машиностроительный недалеко. На нем почти все сохранилось, и сталкеры много полезного таскали оттуда, запчастей всяких. Одно время челноки к ним через нас так и шастали. Туда чай элитный несут с ВДНХ, куртки кожаные с «Динамо», обратно – детали, инструменты. У кого руки есть – он из этих деталей что хошь соберет, хоть пулемет, хоть детскую кроватку. А теперь, конечно, после этой беды на Полежаевской все пути к центру перекрыты. Теперь им туго придется. Да и то сказать, с завода-то они почти все полезное уже вынесли, а в последнее время туда и не сунуться стало – какие-то монстры гнездо устроили. Да и канал, опять же, поблизости, оттуда тоже приползают... всякие.

– Помню я этот завод, – вздохнул пожилой. – Я еще мальчишкой был, когда там какие-то ракеты делали. И перевозили их по ночам в обстановке строгой секретности. А я, бывало, все старался в окошко что-нибудь увидеть – мы не так уж далеко жили. Так мне хотелось посмотреть, как настоящую ракету везут! И ведь увидел однажды... сбылась мечта.

На него посмотрели уважительно и даже с некоторой завистью.

– Интересная жизнь у тебя была, Петрович, – вздохнул мужичонка с испитым лицом. – А я вот мальчишкой в метро попал... и вспомнить-то особо нечего.

– А что за бумаги у вас на стенах висят? – спросила Нюта, радуясь, что разговор свернул с опасной темы.

– А это газеты, – с гордостью сказал испитой мужичонка. – В них новости всякие пишут и бургомистра критикуют.

– Как же у вас тут все здорово устроено! – восхитилась Нюта.

– Да разве это жизнь? – скривился плечистый. – Вот в Полисе, на Ганзе или, к примеру, на Китай-городе – там жизнь, говорят, ключом бьет. А у нас тут что ж – в лесу живем, пню молимся.

Нюта опять непроизвольно вздрогнула. «Только мы думали, что попали к нормальным людям – а они, оказывается, тоже молятся какому-то пню. И еще неизвестно, какие жертвы этому пню приносят», – с тоской подумала она. Подняла глаза и увидела, что парень вновь насмешливо смотрит на нее. Поймав ее взгляд, он легко поднялся и подошел к девушкам, опустился на пол возле них.

– Что надо? – сердито спросила Нюта.

– Да так, ничего, сущие пустяки, – тихонько, чтобы никто не слышал, ответил он. – Мне очень хотелось бы знать, чего такого вы натворили у себя на станции, что вздрагиваете теперь по любому поводу.

– Нам пора спать, – резко сказала Нюта. – Пойдем, Крыся.

– Дурочки, – услышала она сзади, – я помочь хочу!

Но Нюта, схватив подругу за руку, уже волокла ее прочь от костра.

* * *

Убийца появился на станции поздно ночью. Он долго ждал в туннеле, прежде чем направиться к патрульным.

– Пароль, – окликнули его.

– Шестнадцать, – нехотя буркнул он, зная по опыту, что в таких случаях лучше не молчать, а отвечать сразу хоть что-нибудь. Иначе могут принять за мутанта или за нежить, в которую здесь многие верили. Бывали случаи, когда некоторые нервные часовые, не дождавшись ответа, тут же открывали стрельбу, и лишь потом начинали разбираться. С них, как правило, за это даже не спрашивали строго.

– Человек, – констатировал патрульный. – А ну-ка, покажи тогда паспорт.

Убийца видел этого патрульного раза три и отлично помнил. Патрульный тоже видел его, но невыразительное лицо каждый раз стиралось у него из памяти.

– Ладно, проходи, – сказал патрульный. – Пароль, чтоб ты знал, на сегодня «Свобода». Что это сегодня с вашей станции к нам зачастили? Ты, случайно, ничего не знаешь про девочек, которые утром пришли?

– Нет, я тут по своим делам, – сказал убийца.

Не пройдет и часа, как он будет знать про беглянок все.

Он прошел на станцию. Тут и там еще бодрствовали возле костров люди, и Невидимка присел к тому, где народу было побольше. Послушав разговоры, он сделал выводы, что все не так плохо. Во-первых, девчонки здесь. Во-вторых, судя по всему, они ничего криминального пока не разболтали – видимо, боятся. Это было ему на руку. В голове тут же созрел план действий. Для начала надо переговорить с бургомистром, но разумнее отложить беседу на утро – торопиться некуда. Девчонки пока все равно никуда не денутся, никто их без документов со станции не выпустит.

Убийца улегся недалеко от костра, завернулся в плащ и через несколько минут спокойно заснул.

* * *

Когда Нюта проснулась, Крыси в палатке не было. Она подползла к выходу, осторожно выглянула и облегченно вздохнула, услышав оживленный голос подруги. Крыся хлопотала у костра, ей помогал вчерашний парень. В ответ на гневный взгляд Нюты Крыся изобразила недоумение.

– Вот, познакомься, это Кирилл, – прошептала она. Парень отвесил иронический поклон.

– Ты что, с ума сошла? – шепнула Нюта незаметно, улучив момент, когда Кирилл отошел.

– А что такого? – спросила подруга. – Ты же сама сказала, нам важно узнать побольше. А про нас я ему ничего не рассказывала.

Тут опять подошел Кирилл, который раздобыл для них чашки. Они сели пить чай, показавшийся им необыкновенно вкусным.

– Это настоящий, сталкеры еще ухитряются иногда находить где-то, – пояснил Кирилл. – А по-моему, тот, что на ВДНХ делают, ничуть не хуже. Только теперь о нем мечтать не приходится, никто уже оттуда к нам не доберется.

Нюта решила, что большой беды не будет, если они и вправду, пользуясь случаем, попытаются выведать у Кирилла побольше нужных сведений.

– А можно мне почитать эти ваши газеты? – спросила она.

Кирилл пожал плечами.

– Пойдемте, – сказал он и подвел их к ближайшей колонне, где висел довольно большой лист бумаги. Сверху крупными печатными буквами было написано название – «Тушинская крыса». Потом шли заголовки помельче. Из заметки «Что день грядущий нам готовит?» Нюта узнала, что запасов еды пока хватает и беспокоиться нет причин. Правда, большую часть их контролирует бургомистр, и давно следовало бы потребовать от него отчета. Не пора ли, ехидно интересовался автор статьи, присвоить бургомистру прозвище «Тушинский вор»? В следующей статье долго и путано рассказывалось о героическом походе сталкеров на железнодорожную станцию «Трикотажная», где еще со времен Катастрофы чудом уцелел состав с несколькими цистернами. Народ уже давно знал про эти цистерны и высказывал самые смелые предположения об их содержимом – вплоть до того, что там может оказаться и спирт. Когда сталкеры, преодолев колоссальные трудности, добрались наконец туда, обнаружилось, что в цистернах топливо, что тоже было совсем неплохо. Правда, львиную долю добычи, как всегда, тут же присвоил себе бургомистр.

В следующей статье задавался гневный вопрос, когда же, наконец, будет заделан неизвестно куда ведущий лаз в туннеле неподалеку от южного поста? Вместо того, чтобы постоянно ставить там усиленную охрану на всякий случай, не проще ли раз и навсегда завалить лаз цементом, чтобы никакая нечисть не смогла через него пробраться на станцию? Нюта поняла, что это тоже был камешек в огород бургомистра.

В последней небольшой заметке сообщалось, что на днях кто-то, возможно подростки, пытался отодрать одно из алюминиевых панно с изображением самолетов, а это, между прочим, исторический памятник и произведение искусства, которое должно усиленно охраняться властями.

– Это орган оппозиции, – пояснил Кирилл. – Есть еще официальная газета «Нижнее Тушино», там публикуются всякие речи и постановления бургомистра. Но эту читать интереснее.

– Как странно, что у вас так спокойно все ругают бургомистра, – сказала Нюта. – Если бы у нас хоть кто-нибудь посмел ругать Верховного, ему бы плохо пришлось.

– У нас республика, – гордо сказал Кирилл. – Демократическое государство, управляемое на основе анархической солидарности, – повторил он фразу, явно слышанную от кого-то из старших. – Народ сам выбирает себе правителей.

– Но если ваш бургомистр не справляется, если его так ругают, почему вы его не переизберете?

– А смысл? – пожал плечами Кирилл. – Все люди одинаковые, другой тоже будет грести под себя. В таком государстве, как наше, личность правителя даже не имеет особого значения, он может ничего из себя не представлять. Зато он умеет говорить речи. А всеми делами заправляет на самом деле не он, а Марина.

– Почему? – спросила Нюта.

– Долгая история, – Кирилл махнул рукой. – Она была женой предыдущего коменданта. Ну, тот был мужик что надо, всех в кулаке держал. У него не забалуешь, мог и мертвых, если надо, поставить под ружье. Я помню, как он круто разобрался с торговцами с Планерной, с тех пор они свое место знали. У нас в гостях вели себя тише воды, ниже травы. Марина ему помогала, правой рукой его была, ну, и научилась дела государственные решать. Потом он в бою с мутантами погиб. Марина тут же народу Гришку предъявила, да так ловко все обставила, что большинство за него проголосовало. И как только его выбрали, она за него замуж вышла. Так что он без нее – ноль без палочки, и прекрасно это понимает. А Марина просто очень ловкая и хитрая, и мечтает всем здесь заправлять. Но уж слишком она высоко метит, по-моему. Вряд ли это добром кончится. Не стоит женщине лезть в мужские дела.

– А это что? – спросила Нюта, глядя на плакат с зеленой надписью.

– А-а, это бургомистр одно время призывал выращивать морковь и свеклу. Сталкеры семена нашли, просроченные, правда. Не вышло ничего. При таком скудном освещении только шампиньоны могут расти.

– А еще чем вы тут питаетесь? – поинтересовалась Нюта.

– На Сходненской свиней разводят, мясо нам продают. У нас тоже небольшое стадо есть. Теперь, видно, заглохнет торговля... придется на свои силы больше рассчитывать. А еще, как ни странно, сталкеры с поверхности до сих пор кое-что приносят, крупы там всякие. Просроченные, конечно, но есть можно. Как-то нашли засекреченный склад, там мясных консервов было полно. Некоторые, само собой, уже вздулись, пришлось выбросить, а другие вроде ничего, рискнули съесть, и все живы остались. Так и перебиваемся потихоньку, не голодаем. Один раз сталкеры вообще наверху наткнулись на чьи-то старые участки, клубни принесли – отец сказал, картошка. Всем досталось понемножку, вкусно. Жалко, что здесь нельзя ее растить.

– А у нас только крыс разводят, – вздохнула Нюта. – Ну, и шампиньоны, конечно. Впроголодь жили.

– Да уж, по тебе заметно, – сказал Кирилл. – Да над вами там вообще, говорят, бывший аэродром наверху... места-то полно. Завели бы свое хозяйство подсобное. Выходили бы по весне в комбинезонах картошку сеять по ночам. Отец говорит, она потом сама растет, ее только прополоть пару раз и это... окутить, кажется. Конечно, она бы радиоактивная была, но ведь все продукты, что сверху приносят, такие... а мы едим. Зато какая крупная выростала бы!

Он вдруг спохватился.

– Ладно, девчонки, мне к отцу надо сходить. Увидимся еще.

* * *

Убийца сидел в кабинете бургомистра. Тот потрясенно хлопал себя по коленкам.

– Ну надо же! А я ведь эту историю слышал. Двое взрослых с девчонкой шли... ее, вроде как живой консерв, с собой прихватили. Чтобы съесть потом или продать. А вышло-то все наоборот – закусили-то ими, а девчонку нашли потом живехонькой. Правда, мне рассказывали,

что ее, как только нашли, прикончили тоже от греха подальше. Мало ли что... – И он сделал испуганные глаза.

– Как видите, нет, – покачал головой собеседник. – Вырастили на свою голову, ничего для нее не жалели... и вот благодарность. Сколько волка ни корми, все в лес смотрит, – припомнил он старую поговорку. – И ладно бы одна сбежала, так еще и племянницу Верховного сманила с собой. У той, понятно, мозгов никаких, дело-то молодое, приключений хочется. А если бы что-нибудь по дороге с ними в самом деле приключилось? Он бы с меня голову снял. Мне тут у вас рассказывали – на них напал кто-то, еле отбились.

– Их спасли патрульные, – важно сказал бургомистр. – Не волнуйтесь, теперь племянница вашего правителя в целости и сохранности. Мы подумаем, что можно сделать. Постараемся выделить вам людей для сопровождения, чтобы благополучно доставить беглянок обратно.

Об этом можно было только мечтать. Убийца с готовностью закивал.

– Да, позаботьтесь, пожалуйста. Верховный в долгу не останется. И учтите, что эта девица слегка не в себе. Она, видно, умом повредилась после пережитого... на людей вроде пока не кидается, но иногда заговаривается, чушь всякую несет.

– Понятное дело, – кивнул бургомистр. – Марина! – вскричал он. – Ты все слышала? Какая странная история!

Но Марина ничего не ответила, лишь презрительно подняла бровь. Лицо ее, как всегда, было непроницаемо.

Убийца довольно потер руки. Дело почти улажено. Ему помогут доставить девчонок обратно, а их рассказы всерьез воспринимать никто не будет. Люди же, выделенные для охраны, могут ведь и не вернуться потом обратно на Тушинскую. Мало ли опасностей в туннелях?

* * *

Нюта пыталась помогать толстой стряпухе с обедом, а сама все поглядывала, не идет ли Кирилл. Наконец он появился, но не один. С ним был человек лет сорока, почти седой, в костюме защитного цвета. Сходство между ним и Кириллом было так велико, что сомнений у Нюты не было – это его отец.

Кирилл был мрачен. Оставив своего спутника с Крысей, он отозвал в сторону Нюту.

– Я уже спрашивал тебя и спрашиваю опять: что вы такого сделали? В чем замешаны?

– С какой стати я должна тебе отвечать? – возмутилась Нюта.

– Можешь и дальше молчать, но тогда пеняй на себя: тебя и твою подругу собираются под охраной отправить обратно. Ведь ты – та девчонка, которую когда-то нашли в туннеле?

Нюта только беззвучно кивнула.

– Так вот учти, за вами прислали человека. И человек этот распускает всякие слухи. К счастью, присматривать за вами пока поручили моему отцу. Так что вы сделали? Убили кого-нибудь? Подстрекали к мятежу? Курили в неподобающем месте?

– Мы ничего плохого не делали! Ты... Ты должен верить. Я пока не могу тебе рассказать. Наоборот, убить собирались нас, поэтому мы убежали. Если нас вернут обратно, нам конец.

– Ладно, допустим, верю. Надо сходить к Марине – вся надежда только на нее. Она себе на уме, просчитывает все на десять ходов вперед и своей выгоды никогда не упустит. Если она не захочет, чтобы вас выдавали, то что-нибудь придумает. На самом деле она спит и видит, как бы прибрать к рукам еще и вашу станцию. У нее есть родственники в администрации Сходненской, и если бы еще удалось присоединить и «Спартак», она была бы счастлива. Может, она решит, что вы ей как-нибудь можете пригодиться...

И Кирилл исчез, оставив девушек со своим отцом. Тот, как ни в чем не бывало, принялся травить им забавные истории, и вскоре девчонки немного отошли, успокоились.

Кирилл вернулся обратно довольно быстро. Протянул девушкам две картонки и какой-то мешочек из пестрой ткани.

– Что это? – удивленно спросила Нюта.

– Я думаю, это и есть ответ Марины, – сказал Кирилл. – В мешочке патроны. Она дает вам пропуска, действительные здесь и на Сходненской. Значит, считает, что вам лучше уходить туда, пока не поздно.

– А какой ей смысл нас спасать? – недоверчиво спросила Нюта.

– Сказала, что пока вам лучше скрыться. Она-то ничем не рискует, никто и не догадается, что она к вашему уходу руку приложила. У нее всегда есть пустые бланки пропусков, подписанные бургомистром. Конечно, наши знают, что без нее здесь ни одно дело не обходится. Но между «все знают» и «такой-то человек сказал точно» есть разница. А потом, когда все уляжется, она хотела бы подробно побеседовать с вами о порядках на вашей станции. Ее интересует все – бытовые подробности, привычки и предпочтения вашего правителя, ваши с ним отношения. Люди с вашей станции обычно неразговорчивы, а Марина любопытна. Теперь ей представился случай удовлетворить свое любопытство.

Нюта кивнула. На самом деле она была в ужасе. Ясно было, что за спасение придется все откровенно рассказать. И понятно, что лучше этот момент оттягивать как можно дольше, потому что после этого их жизни не будут стоить и пустой гильзы. Марине они после этого станут неинтересны, и та вряд ли станет заботиться об их охране. А у Верховного появится еще один повод их ненавидеть. Тем не менее, не оставалось ничего другого, как согласиться в надежде выиграть немного времени, – авось удастся что-нибудь придумать.

– У нас в запасе часа два-три еще есть – бургомистру сейчас не до нас, – продолжал тем временем Кирилл. – А нам пока надо постараться вычислить, кого за вами послали, чтобы уйти незаметно для него. Вы никого знакомого здесь не видели?

Нюта отрицательно покачала головой.

– Ладно, – сказал Кирилл, – Пока поешьте как следует, отложите еды в дорогу и постарайтесь отдохнуть. Ваше дело – выглядеть спокойными и беспечными, чтобы никто ничего не заподозрил.

Начали раздавать еду, и девушки принялись через силу жевать, исподтишка разглядывая окружающих, но никого не узнавали. Лица двух или трех мужчин вроде показалось им знакомыми, но вполне возможно, что они их видели здесь же накануне. Встречая их взгляды, люди отводили глаза. Нюте казалось, что все уже знают ее историю, разве что пальцем не показывают. Но окружающие чинно жевали, глядя в свои миски.

Вдруг с дальнего конца станции донесся дикий крик. Что именно кричат, было не разобрать, но тут же все преобразилось. Люди повскакивали со своих мест, одни бестолково суетились, другие хватались за оружие. Послышались выстрелы. Нюта, прижавшись к колонне, вглядывалась туда, где кричали, и наконец увидела. Черные блестящие тела металась среди людей, передвигаясь неуклюжими скачками. Одно, похожее на гигантского головастика с коротенькими лапками, разинуло огромную пасть, оказавшуюся зубастой, как у щуки, и будто сглотило ближайшего к ней человека. Другое, похожее, тоже нацелилось на кого-то, но, видно, не смогло достать. И вдруг оно стало удлиняться, менять форму, на глазах превращаясь из головастика во что-то вроде ящерицы. Вытянулась длинная шея, выгнулась. Кто-то выстрелил в него сзади, монстр недовольно заревел, ударил длинным хвостом, и человек упал со сломанным позвоночником.

– Водяные! – с ужасом прошептал кто-то рядом с Нютой. Кто-то навалился сзади, она оглянулась – Кирилл прижимал ее к колонне, вроде бы заслоняя собой, но мешая смотреть. Нюта досадливо его оттолкнула. Мимо пробежала Марина, что-то крича, отдавая какие-то команды. Несколько человек, укрывшись за колоннами, вели беспорядочную стрельбу. Нюта оглянулась в поисках Крыси. Той не было видно. Отец Кирилла, прицелившись, метнул нож

в ближайшего монстра. Попал в спину, но существо словно бы этого и не заметило. Сбоку послышался истошный крик:

– Да куда ты с гранатой, придурок! Ты нас всех сейчас похоронишь!

Один из монстров опять грациозно изогнулся и выцепил добычу. Когда он высоко поднял голову, в зубах у него висела Марина, зажатая поперек туловища. На ее лице, обычно невозмутимом, были ужас, боль, недоумение. Она будто не могла поверить, что с ней случилось такое. И это показалось Нюте самым жутким. В следующую минуту существо трянуло головой, перехватив жертву поудобнее, и голова и плечи женщины исчезли у него в пасти. Только ноги в туфлях оставались снаружи и судорожно дергались, но через секунду исчезли и они. Нюта, как завороченная, смотрела, как на шее существа образовалось утолщение, постепенно перемещавшееся вниз, к желудку.

В дальнем конце станции что-то грохнуло, появились всполохи огня, и монстры вдруг заметались в панике, давя и калеча зазевавшихся людей. Им явно было уже не до еды. Кто-то в упор выстрелил в морду ближайшего, и зверь взвыл, мотая головой. Подбежали двое с лопатами и принялись, мешая друг другу, наносить удары. Вокруг летели ошметки черной плоти. Наконец существо рухнуло на пол, повозилось еще немного и затихло. Нюта оглянулась. Поодаль валялось еще одно черное тело, остальных не было видно.

– В туннели ушли, – вздохнув, сказал кто-то рядом. – Зуб даю, они через ту дыру просочились, возле южного поста.

– Она ж маленькая совсем!

– Да ведь они, гады, форму менять умеют. Вытягиваются, как змеи, и в любые щели проползают.

Рядом слышались возбужденные голоса:

– А я ему раз – и прямо в пасть из ракетницы!

– Сашко молодец – не растерялся, за огнем схватился. Они огня-то пуце всего боятся. Отец Кирилла держался за плечо. Лицо его было бледным.

– Папа, что с тобой? – спросил Кирилл.

– Да так, помяли слегка. – Видно было, что мужчине очень больно.

– Дайте я взгляну, – попросила появившаяся откуда-то Крыся.

– Ты где была-то?

– А я, как шум начался, забила под ту деревянную штуку... Так и просидела там.

Люди потихоньку приходили в себя, оценивали потери. Тут и там валялись тела. Кто-то, еще живой, стонал. Несколько добровольцев, в том числе и Крыся, принялись под руководством врачей оказывать пострадавшим помощь.

Бургомистр сидел прямо на полу, обхватив голову руками. Его никто не трогал, к нему не обращались. Сочувственно смотрели и обходили стороной. Несколько человек, в том числе и отец Кирилла, отдавали негромкие распоряжения, которым люди беспрекословно подчинялись.

Итоги оказались неутешительными. Пострадала так или иначе чуть ли не треть населения станции. Насчитали полтора десятка убитых, а раненым и счету не было. У нескольких человек, судя по разговору, тут же нашлись срочные, прямо-таки неотложные дела на Сходненской. Удерживать их не пытались.

– Нам надо с ними идти, девчонки, – сказал Кирилл.

– Почему? – удивилась Нюта. – Людям здесь теперь не до нас, обратно нас отправлять никто не станет.

– Зато если ваши сюда явятся, теперь они смогут легко взять станцию под контроль. У нас много раненых, сопротивляться будет почти некому. Вы об этом не подумали? А если эти твари опять приползут? Еще одного такого нашествия станция не выдержит.

Нюте и самой не хотелось здесь оставаться после жуткой смерти Марины.

– Папа, – спросил Кирилл, – ты пойдешь с нами?

Тот, наспех перевязанный, баюкал раненую руку. Он покачал головой:

– Идите без меня, Киря. Я вам только обузой стану. И сердце у меня пошаливает, ты же знаешь. Я лучше здесь останусь. Тут мы с матерью твоей жили, это место для меня родное. Ты иди... Со мной все в порядке будет. Кто-то должен станцию в порядок привести...

– Тогда я тоже останусь.

Отец вновь покачал головой:

– Уходи, сынок. Надо девчонок уберечь, кроме тебя сделать это некому. Не бойся за меня, рука заживет. Вот подлатаю ее, а там ты вернешься, и тогда думать будем. Иди. Береги себя только. Бомба, знаешь, в одно место дважды не падает. Твари сюда больше не сунутся...

Кирилл осторожно, чтобы не причинить боли, обнял отца и кивнул.

Нюта смотрела в блестящие глаза старика и слышала в его голосе утешительную ложь. Он обманывал сына, внушал ему надежду – чтобы выпроводить его со станции и спасти тем самым ему жизнь. А Кирилл был готов ему верить – просто потому, что даже думать о том, что его отец может умереть, он не хотел.

Жизнь на станции, между тем, потихоньку входила в колею. Стряпуха возилась с котлом – ближе к вечеру есть захочется и здоровым, и раненым. Люди потихоньку пытались опять устанавливать сбитые палатки. Несколько человек под руководством Викинга целеустремленно таскали к южному посту обломки бетонных блоков – собирались заделывать лаз.

– Девчонки, по дороге не болтать, – предупредил Кирилл. – Мы не знаем, где шпион со «Спартака». Может, он в числе погибших, но надеяться на это нельзя. Если он уцелел, то вполне может оказаться одним из наших спутников.

И, помахав на прощание последний раз отцу Кирилла, они двинулись вслед за уходящими. Вдогонку им не раздалось ни одного упрека от оставшихся. И те, и другие свой выбор сделали.

И только женщина, сидевшая возле мертвого солдата, несколько секунд тупо смотрела им вслед.

– Крысы бегут, – пробормотала она. – Крысы.

Глава 3

Опасно ли гулять по трамвайным рельсам?

До Сходненской шли в угрюмом молчании. Нападать на них в туннеле никто не пытался. Один раз они слышали какой-то скрежет, словно когтями царапали камень. В лучах фонарика метнулось странное белесое существо, похожее на истощенную обезьяну с огромными выпученными глазами, и тут же куда-то скрылось.

Нюта думала, что Сходненская будет похожа на Тушинскую, но здесь все было по-другому. Из-за отсутствия колонн станция казалась просторнее и просматривалась насквозь. Белый закопченный потолок нависал полукруглым сводом. Стены теплого розового цвета тоже украшали алюминиевые панно, но изображены на них были концентрические круги-мишени. Что такое мишень, Нюта знала – в детстве она нередко играла в ножички со станционными мальчишками. Правда, часто ловила на себе подозрительные взгляды взрослых: некоторые считали, что ей опасно давать в руки нож, – неизвестно, чем это может закончиться.

На Сходненской люди жили попроще: ряды палаток цвета хаки, много мужчин в камуфляже. Женщины тоже были одеты неброско, словно старались не выделяться. Но главное, атмосфера на станции была какой-то тягостной, будто ее обитатели ожидали скорой и неминуемой беды. Немудрено, что приходу беглецов никто не обрадовался.

Комендант Сходненской Захар Петрович оказался мужиком средних лет с простым и усталым лицом. Видно было, что ему давно не удавалось как следует высыпаться. Выслушав рассказ о нападении мутантов на Тушинскую, комендант только руками развел:

– Людьями помочь не могу, даже не мечтайте. У самих неприятности – что-то странное творится в районе Планерной. Раньше там люди жили, хотя вечно у них какие-то дразги были, драки... Там ведь в основном торговцы с местного рынка собрались, все сферы влияния делили. Иногда приходили оттуда к нам, мы с ними торговали понемножку. Но вот уже месяц не было никого, зато в туннеле стали появляться странные твари наподобие лемурув. Пока никого вроде не трогают, только подходят вечерами поближе и смотрят, словно изучают. Глазато у них здоровые, навывкате, аж не по себе делается! А недавно начали у нас люди пропадать. Четверых уже недосчитались – двое взрослых мужиков, мальчишка и женщина. Не знаем, что и думать. Кажется мне, на Планерной уже не люди живут. Так что не в добрый час вас к нам дорожка привела. Честно говоря, мне кажется, неспроста эти лемуры тут появились. Может, это жители Планерной теперь так выглядят? Может, у них эпидемия приключилась и скоро мы все такими станем?..

Он подробно расспросил о нападении мутантов на Тушинскую, поохал, узнав о гибели Марины, и предложил путешественникам устраиваться.

– Еду, ночлег – все вам обеспечим. У нас, конечно, по-простому, без затей, но голодными не останетесь. А потом разберемся, куда вас пристроить. Вы как вообще, – он вопросительно посмотрел на Кирилла, – надолго к нам?

Тот только пожал плечами:

– Не знаем пока. Как получится...

Беглецы расположились у ближайшего костра. Им выдали миски с грибным варевом, в котором плавали небольшие кусочки мяса. Вокруг сидели хмурые люди: один чистил и смазывал разобранный автомат, другой вырезал что-то из дощечки, третий надраивал до блеска сапоги. Женщина в темном платье и с косынкой на голове бережно сматывала полоски ткани – готовила перевязочный материал. Заплакал ребенок, и на него тут же зашикали. Гости поторопились закончить с едой и отправились в палатку, которую отвели девушкам, – совещаться.

– Мы здесь никому не нужны, – тут же заявила Крыся.

– А ты думала, что тебя здесь заждались? – поддела подругу Нюта. – Положение у нас так себе: назад возвращаться нельзя, здесь оставаться тоже опасно.

– А где сейчас не опасно? – хмыкнул Кирилл. – У вас, что ли?

– Нет, на Спартаке нас бы точно убили, – вздохнула девушка. – Но сидеть здесь и ждать неизвестно чего не хочется.

– Куда ж тебе хочется?

Нюта задумалась:

– Меня никто нигде не ждет, кроме одного человека на Беговой. Мать у меня там осталась. Туда и пойду.

– Как же вышло, что она осталась, а тебя отпустила?

Нюта пожала плечами:

– Толком не знаю, я ведь тогда совсем маленькая была... Наверное, меня челноки украли или обманом увели с собой. Стараюсь вспомнить – и не могу. Иногда кажется, что мне велел идти с ними кто-то знакомый, кому я доверяла, иначе бы не послушалась. Но вот кто?

– А твой отец? Или он умер?

– Отца не помню. Мы сначала жили вдвоем с мамой, а потом с нами еще дядька Петр стал жить. Хотя у него от тетки Риты уже был сын. Мама хотела, чтоб я его папой звала, а я не могла – не нравился он мне. Один раз мне подзатыльник дал, а я его укусила.

– А почему же, когда твоих спутников сожрали, а тебя нашли в туннеле, мать не пыталась забрать тебя со Спартака?

– Не знаю. Много можно найти причин. Может, ей тяжело было – она тогда маленького ждала, может, боялась одна через полметра идти. А может, так до сих пор и не знает, что со мной и где я.

– По-моему, эту историю уже чуть ли не на всей линии рассказывают, – не согласился Кирилл. – Знаешь, я думаю, ты просто мешала своей матери жить с новым мужем, поэтому она и не спешила тебя искать. Не обижайся, но вряд ли ты ей была нужна.

– Не смей так говорить! – вскинулась девушка. – Ты не видел, как она плакала, когда мы прощались.

– Ну и что? Поплакала и успокоилась. А потом у нее младенец появился, и ей стало вовсе не до тебя.

– Даже слушать не хочу! – крикнула Нюта. – Ты не знаешь, как она меня любила! Бывало, когда Петра дома нет, подсядет ко мне, обнимет и шепчет: «Потерпи, Нюточка, скоро все у нас будет хорошо».

– Даже если так, подумай, сколько с тех пор лет прошло. За это время что угодно могло случиться. Может, ее и в живых уже нет.

– Успокоюсь только тогда, когда точно это узнаю, – упрямо сказала девушка. – А пока просто хочу вернуться туда, на Беговую. Там я хоть иногда бывала счастлива. А с тех пор, как попала на Спартак, мое детство кончилось.

Кирилл переглянулся с Крысей, та выразительно пожала плечами.

– Итак, девчонки, что мы имеем в сухом остатке? – подытожил парень. – Здесь, похоже, так же опасно, как и на Тушинской, а на Планерной вообще черт знает что. Получается, идти нам некуда. Может, вернемся к отцу?

– Нельзя нам с Крысей на Тушинскую, – замотала головой Нюта. – Нас там люди Верховного легко найдут и убьют.

– Так ведь они и сюда могут прийти... – робко заметила Крыся.

– Вот именно! Поэтому здесь мы сидеть и ждать их не будем. Надо уходить.

– На Беговую, что ли? – прищурился Кирилл. – Дойдешь ты туда, как же! Во-первых, очень далеко. Во-вторых, ты в курсе, что туннель между Беговой и Полежаевской взорван?

Но Ньюта, судя по всему, уже приняла решение, и теперь переубедить ее было невозможно.

– Выход всегда найдется, – заявила она. – Пойдем по поверхности.

Две пары широко раскрытых глаз уставились на девушку.

– Ты с ума сошла?!

– С чего бы? Сталкеры ведь ходят. И возвращаются.

– Ага, только не все. И потом, не очень ты похожа на сталкера. Они мужчины, и вообще – люди опытные.

– Тут главное – не опыт, а удача, – не сдавалась Ньюта. – Между прочим, поверху такое же расстояние, как и под землей, если напрямик идти. Опасно, конечно, но ты же сам сказал: где сейчас не опасно? Если всю жизнь на одном месте сидеть, тоже не факт, что уцелеешь. Те, кто на Полежаевской жил, наверное, тоже думали, что с ними ничего не случится...

– Может, ты в чем-то и права, – подумав, признал Кирилл. – Я сам два раза поднимался на поверхность со сталкерами, правда, ненадолго. Да и как на других станциях люди живут, мне давно посмотреть хотелось. Только не все так просто, девчонки: просто так на поверхность соваться – самоубийство. Костюмы нужны специальные, противогазы, оружие, наконец. Да и какая-нибудь карта совсем не помешает. Так что, получается, без помощи коменданта из этой затеи ничего не выйдет.

– Тогда пошли к коменданту! – И Ньюта, не дожидаясь товарищей, решительно отдернула полог палатки.

* * *

Против ожидания, Захар Петрович к их затее отнесся спокойно. К тому же, жизнь в метро приучила его ничему не удивляться и к любому делу подходить трезво и взвешенно. Он вовсе не был жестоким, но и уговаривать их остаться смысла не видел. Каждую минуту глава Сходненской ожидал нападения, и девушки в такой ситуации были бы скорее обузой, а хрупкий парень отнюдь не выглядел опытным бойцом. Да и три лишних рта, опять же...

– Раньше бы сказал – безумная это затея, – выслушав гостей, заявил он, – но при нынешнем раскладе удерживать вас не могу и не стану. – Комендант почесал в затылке. – Неизвестно еще, где сейчас опаснее – здесь или наверху... Костюмы и противогазы я вам дам. Это раньше с ними напряженка была, а теперь не снаряги – людей не хватает. Вот с оружием хуже, хотя один автомат и пару рожков патронов, думаю, выделим. Что касается дороги – могу нарисовать примерную схему. Раньше я окрестности хорошо знал. Только имейте в виду, после Катастрофы наверху все очень изменилось. Конечно, кое-что со слов сталкеров можно подкорректировать, но чаще их рассказы нужно, что называется, на десять делить... – Захар Петрович достал из тумбочки неровно оборванный тетрадный листок, огрызок карандаша и принялся чертить на бумаге линии, время от времени сверяясь с потрепанной картой.

– Значит, так. Как выйдете – это выход к бывшему кинотеатру «Балтика» – окажетесь на широкой улице. Сзади будет перекресток, вам туда не надо. Встаньте к нему спиной, так, чтобы кинотеатр оказался слева. Он невысокий, зато длинный и стоит особняком – не перепутаете. Между нами говоря, темное это дело, – понизил он голос. – Никто не понимает, как такое может быть. Сталкеры наши, когда туда ходят, с ног до головы амулетами обвешиваются – от злых духов.

– О чем вы? – спросил Кирилл. Комендант нагнулся к его уху и горячечно зашептал:

– Да ведь «Балтику»-то сломали года за два до катастрофы. Там какой-то торговый центр начали строить, он им мешал. Вот и порушили, хотя местные жители очень против были – любили они кинотеатр. Но все равно разломали. А теперь он опять стоит. Один сталкер даже рассказывал, что видел в окнах свет, и фигуры людей там мелькали. Не знаю, правда или нет,

но только через пару дней ушел он на поверхность и не вернулся. Я так думаю – ему опять что-то почудилось, решил поближе рассмотреть. Тут его и забрали...

– Кто? – тоже шепотом спросил Кирилл, но комендант не ответил. Лишь стиснул в кулаке какой-то предмет, висевший у него на груди на шнурке, и что-то зашептал себе под нос, а потом продолжал: – Со временем выяснили, что на этом месте разным людям разное видится. Кто говорит, нет там никакого кинотеатра, только площадка пустая. Кто – есть здание, но темное, заброшенное. Но хуже всего – увидеть в «Балтике» свет, как тот бедолага. Говорят, это в полнолуние бывает, наши в такие дни вообще стараются на поверхность носа не высовывать. Видно, тогда сила этого места прибывает, и для людей это опасно...

Он немного успокоился и разжал руку. Сперва гостям показалось, что на шнурке у него висит монетка с дырочкой, но потом они поняли, что амулетом служил старый жетон для турникета. То есть, для Крысы и Нюты это был просто кругляш с большой буквой «М», а Кирилл по рассказам живших до Катастрофы знал, что когда-то давно такими жетонами платили за проезд в метрополитене.

– Справа чуть впереди увидите высотное здание, оно там одно такое, – тем временем продолжал Захар Петрович. – В ту сторону по улице и двигайте, до первого большого перекрестка. Кинотеатр, стало быть, останется у вас сзади, по левую руку. Конечно, проще было бы прямо, почти до канала, вот так, но получается не всегда. Если увидите в той стороне сиреневый или еще какой-нибудь необычный туман, тогда лучше поверните налево и идите до следующей улицы. Только не перепутайте – налево, а не направо. Потому что если идти направо, уткнешься в огромный овраг, а это – место нехорошее. За тем оврагом как раз и будет станция «Трикоотажная», где до сих пор цистерны стоят, но напрямки никто из наших идти не решается, хотя вроде и недалеко это. Потому-то ваши, тушинские, раньше нас туда и успели. Видно, как-нибудь с другой стороны добирались, а может, вообще по воздуху...

– Это как же? – пискнула Крыся.

– Да рассказывали мне, что нашли как-то давно на Тушинском аэродроме исправный вертолет. На Тушинской же такие люди собрались, не чета нашим, приземленным. Авиаторы, мать их так!

– Это правда? – Нюта посмотрела на Кирилла. Тот молча кивнул.

– А куда этот вертолет потом делся?

– Решено было организовать разведывательную экспедицию, – нехотя ответил парень. – На поиски других выживших. Только с тех пор ни тех людей, ни вертолета никто больше не видел. Может, нашли да там и осели, может, топливо по дороге кончилось или еще что-нибудь случилось...

Комендант покачал головой. Лицо его выражало сложную смесь осуждения и восхищения. Видно было, что затею с вертолетом он считает безумием – но каким великолепным безумием!

– Так что в том овраге такого нехорошего? – спросила Нюта, возвращаясь к интересующей их теме.

– Во-первых, там пауки-людоеды живут. Но их еще как-то можно перехитрить или убежать. Хуже дело – нечисть. Рассказывали, забрел туда как-то сталкер один, на предмет чего съедобного поискать – раньше ведь там, на склонах, люди огороды себе устраивали. И вот пробирается он по этим зарослям, паучьи логова обходит, все грамотно делает. Вдруг видит – какой-то зверь в земле роется, размером с крупную собаку. Сталкер решил зря не нарываться и стороной обойти, да ветка у него под ногой хрустнула. И слышит он за спиной голос: «Кто здесь?» Оборачивается, а на месте зверя старик в драном тулупе мехом наружу. И как глянул на него тот старик мертвыми белыми глазами, так он, бедняга, и бежал без остановки до самого входа в метро. А ведь оттуда до нас километра два будет, не меньше...

– Нютка! Может, мы... – округлив глаза, прошептала Крыся, но девушка молча показала подружке кулак. Заметивший это Захар Петрович одобрительно хмыкнул:

– Верно, дочка! Не робей! Главное, даже если заплутаете, почаще по сторонам оглядывайтесь. Если ночь будет лунная, увидите ориентир – три высотных здания. Их издалека видно, особенно теперь, когда столько домов порушено, да и перепутать с другими сложно. Читал кто-нибудь из вас про деревянных солдат Урфина Джюса? Нет? А я вот читал, и тот, кто те дома проектировал, видно, тоже. Потому что они прямо как те солдаты: сам дом – туловище, сверху квадратная надстройка поменьше – голова, в ней окна – как глаза. Даже что-то вроде шапок у них наверху, заглушки, что ли. Мы эти дома Стражами называем. Так вот, если увидите Стражей сзади по левую руку, значит, к оврагу идете, а если правильным путем, то должны будете потом прямо рядышком с ними пройти. Только осторожнее – их лошади крылатые облюбовали. Какие? Ну те, у которых крылья, как у летучей мыши, и морда драконья. Не видали? Оно и к лучшему, и дальше бы так.

Да, вот еще. Идти всегда старайтесь по улице, если спрятаться надо, можно в дома заходить, только осторожно. А вот во дворы лучше не соваться, их нынешние хозяева запросто могут в какой-нибудь в тупик загнать, и тогда – точно хана!

Ну, допустим, свернули вы куда надо на перекрестке, идете по улице Фабрициуса. Там будет справа такой высокий длинный дом, вот за ним можно направо же повернуть, к каналу. Конечно, канал – тоже место нехорошее, но вам по-другому никак. Прямо пойдете – окажетесь недалеко от парка, за которым Химкинское водохранилище начинается. Вот уж где места совсем гиблые! Там, по слухам, на руинах Речного вокзала в лунные ночи такое творится, что нам лучше того и не знать: или умом тронешься, или вовсе помрешь...

– А кто ж тогда об этом рассказывал? – не выдержала Нюта. Видимо, недоверие в ее голосе было настолько явным, что комендант сердито насупился и замолчал.

– Кто надо, – наконец проворчал он. – Вы дальше слушать будете или сами шибко грамотные и без моих баек неправдоподобных доберетесь?

– Будем, будем! – закивал Кирилл. – Вы на нее внимания не обращайтесь, рассказывайте, пожалуйста, дальше.

– Ну, добро. В общем, идете вы в сторону канала, доходите до улицы, которая вдоль него идет, поворачиваете на нее и – налево. От канала вас будет что-то вроде лесополосы отделять, аккуратнее там. Мало ли, какая пакость выскочит. Ну, и от водяных на всякий случай заговор прочтите.

– Заговор? – захлопала глазами Крыся. – Какой? Мы заговоров не знаем...

– Ну, как это... навряде стишка: «Водяной, водяной, не плыви в волнах за мной». Я сам в эту чушь не верю, – тут комендант смутился, – но знающие люди говорят, помогает.

Скоро с левой стороны ворота кирпичные увидите – это и будет Тушинский машиностроительный. Его лучше пробежать по-быстрому, пока те, которые теперь в корпусах живут, не очухались. И не шуметь сильно, само собой, хотя это на поверхности вообще главное правило. Вот, пройдете еще немного и будет перекресток с улицей Свободы. Она широкая, не перепутаете. Опять же ориентиры – во-первых, здоровенная клумба там была, круглая... ну, клумба-то, может, и не сохранилась. Но если вверх посмотрите, увидите прямо перед собой все тех же Стражей. Вам направо, на мост. Он почти целый, но все равно аккуратнее. Если прошли, дальше чуть полегче будет. Идете напрямиком по этой самой улице. Долго придется идти. Там тоже ориентир был приметный – перед одним домом танк стоял. Говорят, настоящий. Но теперь, может, уже и не стоит. Васька Косой рассказывает – дошли они как-то туда втроем с дружками и решили этот танк попробовать завести...

– Ага, так он и дожидался их, на ходу и с горючкой! – не выдержал Кирилл.

– Мне оно тоже сомнительным показалось, – согласно хмыкнул Захар Петрович. – Тем более, что очевидцев, кроме Васьки, нет, а ему какая вера? Точно известно одно – ушли втроем,

вернулся один. А что там у них вышло – дело темное... Да бог с ним, с танком, дальше слушайте. Вот идете вы, значит, по улице Свободы и видите слева насыпь, а в ней туннели. Там незадолго до этого места над улицей еще переход стеклянный будет полуразрушенный, не перепутаете. Значит, правильно двигаетесь, это туннели под каналом, где шлюзы, там они даже сверху видны чуть-чуть. И хотя от канала и других водоемов лучше подальше держаться, но придется вам через один из этих туннелей на ту сторону пройти. Главное, повнимательней там, уж больно место удобное для засады. Проверьте сначала, не поджидает ли там кто. Ну, а уж если прошли – считайте, полдела сделано. Будет прямо перед вами Волоколамское шоссе. Вам направо, мимо башенок из красного кирпича. Там, опять же, предельно осторожными надо быть, нечисть всякая выползает поохотиться.

Дальше места плохо знаю, врать не буду. Но, по старой карте судя, по этому шоссе можно дойти, аккуратно куда вам надо. Оно потом с Ленинградским соединяется, а дальше уже улица Беговая, свернете на нее – и до самого входа в метро. Вот, в общих чертах, как-то так. Но еще раз должен предупредить – шансов у вас почти нет. Сами подумайте, сколько опасностей по дороге. Да, вдоль того шоссе еще и до Беговой будут станции метро, живут ли там люди или нет, точно неизвестно. А если и живут, то какие? На Соколе, вроде, мирные трудяги, свиной разводят, но где-то, говорят, и сатанисты обосновались. Попадётесь к таким, еще жалеть будете, что по дороге вас не сожрали.

Нюта, пожав плечами, незаметно переглянулась с подругой. Ей казалось, что после ужасов родной станции им не страшны уже никакие сатанисты. В самом деле, что они могут сделать? Убить? Так их и свои чуть не убили...

– Да, чуть не забыл, – спохватился Захар Петрович. – Если вдруг сразу, как выйдете из метро на поверхность, растеряетесь и запутаетесь – ну, мало ли что, – идите по трамвайным рельсам. Тут у нас «шестерка» когда-то ходила, как раз до Волоколамки. А там уж разберетесь.

Комендант сходил вместе с гостями в подсобку, где отыскал для них комбинезоны и противогазы, а Кириллу вдобавок торжественно вручил старенький автомат и три магазина с патронами. Когда троица пошла собираться в дорогу, Захар Петрович неожиданно вспомнил, как купался летом, несмотря на запреты, в Химкинском водохранилище. Как гулял с женой в парке. Как, только наступят теплые денечки, можно было в выходные отправляться жарить шашлыки прямо на берегу канала. Распить бутылочку, спеть что-нибудь задушевное, про песок, по которому она ходила. А зимой шли по льду до Речного вокзала, лазили по осыпающемуся зданию, похожему на дворец, швырялись снежками. Деревья в старом парке стояли пушистые, все в снегу... Это, оказывается, и было счастье, только не ценили его люди. А этим троим, да и всем выжившим, такого уже не испытать никогда. «Удачи вам, ребята, – мысленно пожелал мужчина. – Видит бог, она вам понадобится»...

* * *

– Что ж, пойдем по трамвайным рельсам, – с напускной бодростью произнес Кирилл, разглядывая примерную схему, которую начертил комендант.

– Они такие же, как в туннеле? – спросила Крыся.

– Нет, немного другие. Если удастся, трамвай я вам тоже покажу. Кстати, у отца любимая песня была на эту тему. – И он тихонько запел себе под нос о прогулках по трамвайным рельсам, о которых нельзя рассказывать, иначе убьют.

– Странная какая песня, – вздрогнула Нюта. – За это раньше убивали?

– Э-э, девчонки, вы где росли-то? С вами ликбез надо проводить, – развеселился парень. – В общем, отец рассказывал, что наверху много лет была власть коммунистов. Про них-то вы, надеюсь, слышали? Товарищ Москвин, Красная линия и все прочее? И то хорошо. А у них как? Все должны быть полезными членами общества. Либо ты занят работой на всеоб-

щее благо, либо культурно отдыхаешь – ну, выпиваешь, например. Говорят, на Красной линии до сих пор так заведено. А если ты не похож на других, если тебя тянет на странные поступки – ну, там, по рельсам гулять ни с того ни с сего, просто так, – значит, ты опасный смутьян, и надо тебя всячески прессовать. Об этом и песня. Ее одна певица написала, которая погибла молодой, а сами рельсы здесь ни при чем, просто образ. Ну вот, потом власть красных рухнула, и наступило смутное время. Теперь уже ты мог гулять по рельсам, сколько влезет. Если, конечно, у тебя никаких других потребностей нет. А если они есть, надо было работать с утра до ночи, чтобы заработать на квартиру, машину, детей, отдых и тэ дэ. То есть, сам выбирай – либо пахать и не заметить, как жизнь пролетела, либо быть свободным как птица, но ночевать под кустом и питаться из помойки.

– Скажешь тоже! – не поверила Крыся. – Баба Зоя рассказывала, что до Катастрофы с едой поблем не было.

Кирилл смутился:

– Ну, про помойку, это крайности, конечно. Кому-то, может, и неплохо жилось. Бывают люди, которым при любом режиме неплохо живется. Даже сейчас.

– А чья потом наступила власть? – спросила любопытная Нюта. Парень пожал плечами:

– Не знаю... Денег, наверное. В любом случае, кончилось все это Катастрофой, и теперь, как сказал один философ, наступила власть тьмы.

– А что ты коменданту отдал? – вспомнила Крыся. – Я видела, ты какую-то книжку вытащил из рюкзака...

– А, это, – с сожалением сказал Кирилл. – Надо же было чем-то отблагодарить человека, снаряжение, да еще и автомат с патронами, тоже на дороге не валяются. Правда, не знаю, чем ему эта книга понравилась... я думал, она только специалистам интересна.

– Да что за книга-то?

– «Определитель пресноводных рыб европейской части СССР», – грустно ответил Кирилл.

– А у тебя-то она откуда? И зачем тебе такая? Ты, что ли, специалист по этим... пресноводным?

– Это долгая история. Мой отец с детства хотел стать биологом: в кружок ходил, книги о животных собирал и даже ухитрился поступить в институт на биологический факультет, хотя там конкурс был большой. А потом как раз наступили смутные времена, до науки уже никому дела не было, работать по специальности не устроишься, или платят столько, что не проживешь. Вот он и пошел в какую-то группу музыкальную, по клубам выступать.

– Так он у тебя музыкант? Круто! – уважительно протянула Крыся.

– Угу. Только сам он не любит этого вспоминать, потому что не для души играл, а из-за денег. А на самом деле ему всю жизнь наукой заниматься хотелось. До сих пор книжки собирает, где только может, да и мутантами всякими интересуется, изучает их и описывает. Хочет какие-то закономерности вывести, ну, почему одни такие, а другие – эдакие... Кстати, Нют, его твой случай очень заинтересовал. Сколько раз при мне удивлялся, почему те монстры взрослых сожрали, а ребенка не тронули...

Нюта, в очередной раз почувствовавшая себя какой-то подопытной зверушкой, насупилась, поэтому парень примирительно положил ей руку на плечо:

– Да ладно, не сердись. Я ж не из вредности напомнил, так, пришлось к разговору... О, вот что еще вспомнил: отец тоже про тот овраг рассказывал, о котором комендант говорил! Он там даже бывал. Между прочим, это какое-то уникальное место, его еще называют «Сходненский ковш». Он около километра в диаметре, а в глубину метров сорок, и по дну протекает речка Сходня. Отец говорил, что еще один такой огромный овраг где-то в Африке, а больше таких нигде на Земле нет. Там даже сохранились уникальные виды животных.

– Все они сейчас уникальные! – все еще раздраженно буркнула девушка, сбрасывая руку. – Толку с того...

– Нет, он имел в виду – до Катастрофы. Правда, это какие-то лягушки были, и то, что они особенные, только специалист понять мог. А мать говорила, что когда-то на том месте монастырь стоял, и монахи раз не пустили переночевать уставших путников, вот он в наказание и ушел под землю. Видно, не слабо ушел, раз такой провал образовался. В любом случае, место интересное.

– Комендант же объяснил, что оно нам не по пути, – напомнила Нюта. – В любом случае, зачем ему этот «Определитель»?

Кирилл задумчиво прищурился:

– Может, он в прежней жизни был заядлым рыболовом? Будет теперь рассматривать картинки и тосковать. Есть такая штука, ностальгия. Ну, вроде, грусть по прошлому, которое не вернешь. Я-то вот тоже эту книжку на память об отце взял. Может, мы с ним больше и не увидимся никогда...

– Жалко было отдавать? – спросила Крыся.

– Не то слово, – кивнул парень. – Правда, у меня еще определитель птиц остался. – Он зевнул и предложил: – Ладно, девчонки, хватит болтать. Давайте лучше отдохнем. Если хотим выходить этой ночью, то силы нам понадобятся.

Девушки устроились в палатке, а Кирилл растянулся снаружи, перед входом. Сидевший в десяти метрах убийца задумчиво посмотрел на него. Можно было бы попытаться прикончить соплячек во сне и тут же уйти обратно, но вдруг у щенка чуткий сон? Лучше подождать другого случая. Он представится скоро.

* * *

Крыся засопела, а Нюта все никак не могла заснуть. Она думала о том, как впервые выйдет на поверхность. И еще о Кирилле. Ясно, что она ему нравится, но вот нравится ли ей он?

Какой-то минимальный опыт общения с представителями противоположного пола у девушки был. На Спартаке им с Крысей в общем-то не запрещали общаться с мальчиками, хотя и не поощряли этого. Впрочем, те и сами чаще обходили подруг стороной – все знали, что вскоре их отведут наверх. Исключением был Игорь, который почему-то влюбился в нее без памяти. А самой Нюте нравился другой – Макс. У него были буйные темные кудри, а взгляд – прямой и смелый. Говорили, что его отцом был цыган, от которого Макс унаследовал любовь к свободе и риску и неприязнь к сидению на одном месте. Немудрено, что парень рано начал подниматься на поверхность со сталкерами, к тому же он был везучим, всегда возвращаясь без единой царапины и с добычей. На Нюту Макс поглядывал с некоторым любопытством и несколько раз, как бы невзначай, касался ее рукой, но и только. Девушка решила, что если она хочет что-то испытать до того, как придется умереть, то стоит поторопить события. Ее тянуло к юному сталкеру, возможно, из-за того, что она росла без родителей и некому было ее обнимать, тормошить и тискать, как прочих детей. Ей очень хотелось, чтобы Макс прижал к себе, потрепал по волосам, погладил по спине. Прикоснулся губами...

Дождавшись, когда сталкера поставили дозорным у входа в туннель, она пришла к нему и отозвала на минутку поговорить. Второй патрульный, пожилой дядька, спрятал улыбку в усы. Они немного отошли вглубь туннеля, так, чтоб их не было видно, и молча остановились. Где-то громко капала вода.

– Ты чего? – наконец нарушил тишину парень.

– Поцелуй меня, – не то попросила, не то приказала Нюта.

Макс вроде бы смутился:

– Знаешь, ты, конечно, красивая девчонка, но про тебя рассказывают такое... А-а, черт, ладно, – обреченно выдохнул он. Но почему-то остался стоять неподвижно.

И тогда Нюта сама обняла его. Сколько раз она думала об этом, пока набиралась смелости, сколько раз представляла, как это будет. Ей казалось, что это будет какое-то совершенно волшебное ощущение, какое-то невероятное счастье. Ничего подобного. Только руки вдруг будто свело, и они намертво сомкнулись у него на спине. Нюта почувствовала, какие у него жесткие ребра, а еще – слабый запах хозяйственного мыла от его рубашки. Макс стоял неподвижно, и Нюта вдруг почувствовала себя очень глупо. Она бы и рада была разомкнуть руки, но не могла. По телу словно прошла какая-то механическая судорога, как в детстве, когда ее слегка тряхнуло током, но стало чуть легче. Нюта поняла, что парень тоже прижимает ее к себе. Осмелев, она погладила его по спине, раз, другой, он повел плечом под ее рукой, но даже не сделал попытки опустить голову. А потом и вовсе решительно отстранился и сказал:

– Ну, все, хватит. Пора мне...

– Все? – удивленно спросила Нюта. Потом вздохнула: – Все так все.

И они тихонько пошли обратно к посту.

Девушка до сих пор так и не смогла забыть этого разочарования. Что-то было не так. Может, оттого, что все случилось так быстро и скомканно? Может, она просто переволновалась и зря ошаршила Макса, не дав ему времени подготовиться и самому проявить инициативу? Что он теперь про нее думает, ей было неизвестно. Парень не искал ее общества, хотя и не шарахался при встрече. Они перекидывались парой слов, несколько раз она вновь чувствовала мимолетные прикосновения его руки. Казалось, Макс тоже раздумывает и сомневается. Да и как ему было не сомневаться? Он был сталкером и ходил на поверхность, его вниманию была бы рада любая девчонка на Станции, тем более если ее не ждет скорое свидание с площадкой, покрытой цветами.

И все же Нюта думала: может, им попробовать еще раз? Может, тогда она будет спокойнее и все получится лучше? А потом начинала злиться на себя. Какого черта она будет ему навязываться? Может, Макс так сдержанно вел себя оттого, что боялся, не захочет ли странная девушка взвалить на него свои проблемы или, того хуже, попросить о помощи? Или он просто любит острые ощущения и прикоснуться к ней для него то же самое, что почесать за ухом опасного хищника? Вроде бы прирученного, а на самом деле не знаешь, чего от него ждать. Так пусть не беспокоится – не нужно ей от него ничего!

Все решилось просто. Однажды Макс ушел наверх и не вернулся.

Нюта поплакала украдкой, но в глубине души даже почувствовала что-то вроде злорадства: не мне, так никому.

«Странно, – думала она сейчас, – мы были уверены, что я умру раньше него. И вот теперь Макса давно уже нет, а я до сих пор жива...»

Потом мысли сами собой перескочили на Игоря. С сыном Верховного она все-таки поцеловалась как-то раз, спустя некоторое время после смерти Макса. Просто ей вдруг отчаянно жалко стало себя, а тот как раз подвернулся. Нюта тогда не почувствовала ничего, ни удовольствия, ни отвращения, но повторять этот эксперимент ей почему-то не хотелось. Да и сам Игорь, с тех пор провожавший ее каким-то выжидающим собачьим взглядом и пытавшийся прикоснуться при каждом удобном случае, стал раздражать. Ей скоро предстояло умереть, а тот думал только о своем удовольствии. Если бы сын Верховного хотя бы попытался ее спасти, например, предложил вместе убежать, она могла бы быть с ним – из благодарности. Но он не делал ничего, только, в очередной раз напившись, ходил за ней тенью и ныл, дескать, если бы не отец, то женился бы на ней немедленно, вот сию же секунду, а так ему очень плохо... В итоге раздражение Нюты очень скоро сменилось презрением – можно подумать, из них двоих больше нуждался в утешении этот здоровый лоб...

«Вот странно, – подумала она, – ведь Макс мне тоже ничего такого не предлагал и не пытался меня спасти. Но его я охотно любила бы все то время, какое оставалось, не ожидая ничего взамен, кроме обычной ласки и человеческого тепла». Когда же Макс погиб, Нюта совсем было смирилась со своей участью, впала в апатию и безропотно, с тупой покорностью ждала смерти. Лишь гибель бабы Зои слегка отрезвила ее, вернув к реальности, и ей вновь захотелось жить, назло Верховному и вообще всем. А еще Нюта пришла к выводу, что любовь вовсе не всегда равна желанию сделать добро другому. Иначе разве она могла бы втайне злорадоваться по поводу гибели Макса? Или вот взять Верховного и бабу Зою. Когда-то их явно связывали близкие отношения, но ведь именно он ее убил или довел до смерти, что одно и то же. Одним словом, жизнь оказалась совсем не такой, как в сказках бабы Зои. Ни рыцари, ни дураки не торопились спасать принцесс. Впрочем, принцессы сегодня тоже изменились. Они живут в метро, едят крыс, не падают по любому поводу в обморок и умеют обращаться с ножом, да и вообще способны, случись что, сами постоять за себя.

А что же Кирилл? Наверное, он скорее нравился Нюте, хотя и не так сильно, как в свое время Макс. При этом она видела его недостатки – парень с Тушинской был не слишком храбр и любил хвалиться впустую. Вот разве что, зная ее историю, Кирилл единственный относился к ней совершенно спокойно, как к любой другой девчонке. За это она была ему благодарна. А может, оно и к лучшему, что Нюта не испытывает к спутнику бурных чувств? В душе она боялась самой себя, боялась потерять над собой контроль. Ведь как она стиснула тогда Макса... И хотела сама разжать руки, но не получалось. Может, давали о себе знать темные инстинкты, которые все подозревали в ней? А если бы она так же сильно обняла сталкера за шею? Могла бы, наверное, задушить? Макс-то, понятное дело, не испугался, но он вообще ни в каких обстоятельствах не трусил и был уверен, что сумеет справиться с любой опасностью. Как сказал кто-то на Спартаке: «Слишком храбрым был, вот и погиб молодым. По нынешним временам осторожность полезнее...»

Как бы там ни было, а Нюта решила, что теперь к своим романам надо подходить серьезнее. Одно дело, когда ты скоро умрешь и хочешь напоследок испытать что-нибудь новое, и совсем другое – если надеешься еще пожить. Впрочем, у них все шансы не дойти до цели и навеки остаться на поверхности, так что по поводу отношений с Кириллом пока можно сильно не заморачиваться...

Девушка сама не заметила, как потихоньку задремала. Во сне она опять была маленькой девочкой, пробирающейся по туннелю. Что-то теплое и смрадное надвигалось на нее. Вот шершавый язык коснулся спины, помассировал больную ногу, вот зубы сжали плечо, сперва чуть-чуть, потом сильнее, сильнее... Нюта закричала и проснулась.

Поморгав, она увидела, что сидит все там же, в палатке, а Крыся обнимает ее за плечи и шепчет, пытаясь успокоить:

– Нюта, Нюточка, не надо.

В палатку заглянул встревоженный Кирилл.

– Что тут у вас?

– Страшный сон. У нее иногда бывает, – пояснила Крыся.

Кирилл с сомнением посмотрел на них, а потом философски пожал плечами:

– Ну ладно, все равно уже пора подниматься – вечер наступает. Если вы не передумали, конечно.

На станции все непостижимым образом уже знали об их планах и спорили между собой, как далеко сумеют уйти две девчонки и парень с одним жалким автоматом на троих. Послушав, убийца подумал, что сможет с чистой совестью возвращаться обратно: трое несмышленишей наверняка погибнут, не проведя на поверхности и часа.

Комендант лично проводил путешественников до ворот.

– Ну, ребята, – прочувствованно сказал он, – если вдруг дойдете, передайте там... Сам знаю – помощи просить бесполезно, но хотя бы скажите, что мы будем держаться до последнего патрона и сумеем умереть достойно!

Все трое закивали, и Захар Петрович, видимо решив, что торжественная часть закончена, уже спокойным тоном добавил:

– Вы, как окажетесь наверху, поглядывайте по сторонам: вдруг увидите поблизости желтую такую машину, прямоугольную, на высоких колесах, чем-то она мне жужелицу напоминала... – Он запнулся, словно понял, что объяснять еще и про жужелицу будет слишком долго, но Кирилл понимающе кивнул. – В общем, на хищное насекомое похожа. Это «Хаммер» Мишки Арканова по кличке Аркан. Эх, что за сталкер был! Неделю назад ушел и не вернулся. Хоть что-нибудь узнать бы про него. А машину эту он наверху для своих нужд приспособил. В Америке они, говорят, военными автомобилями считались, а наши, кто покруче, и по городу на них рассекали. Вот Мишка и нашел себе где-то наверху эту тачку... любил... любит он того, пыль в глаза пустить... Может, где-нибудь поблизости застрял, и еще можно помочь...

Он махнул рукой – то ли напутствие, то ли жест отчаяния, и путешественники, натянув противогазы, шагнули вперед. Комендант лично закрыл за ними массивные ворота, сделанные жителями станции вместо входных дверей, шепча что-то и стискивая свой метрополитеновский жетон-амулет.

Глава 4

Наверху

Кирилл, Нюта и Крыся вышли в длинный коридор. Вдоль стены находилось несколько полуразрушенных киосков, откуда уже давным-давно вынесли все полезное. Под ногами хрустели осколки посуды, валялось какое-то тряпье. Посветив фонариком, Нюта увидела на полу маленькую белую фарфоровую кошечку, разрисованную синими цветочками. Она нагнулась, подобрала ее и спрятала в карман. «Пусть это будет мой амулет», – подумала она. Повернув налево и пройдя коридор до конца, они поднялись по ступенькам. Здесь пришлось остановиться.

Город лежал перед ними – огромный, темный, безмолвный. Молодой месяц еле освещал полуразрушенные дома с выбитыми окнами и какие-то заросли. Слева виднелась приземистая темная громада кинотеатра «Балтика». К счастью, света в окнах не было. Нюта совсем потеряла голову от этого неожиданно открывшегося простора. Больше всего ей хотелось забиться в какой-нибудь уголок и оттуда наблюдать, как делают кошки, попав в незнакомое место. Но тут Кирилл взял ее за локоть, и она опомнилась, подтолкнула так же замершую подругу, и они тихонько двинулись по широкой улице.

Нюта растерянно озиралась – она и не думала, что на поверхности когда-то жило так много людей. Казалось, ближайший многоэтажный дом вполне мог вместить все нынешнее население станции Сходненская. Постепенно девушка начала осознавать масштабы произошедшей когда-то катастрофы, которая загнала немногих выживших под землю.

Кирилл дернул Нюту за руку, показывая что-то перед собой. Увидев стоявший среди заржавевших остовов машин вагон, она каким-то шестым чувством угадала, что это, наверное, и есть тот самый трамвай. Девушка шагнула ближе, но тут из окна на нее блеснули чьи-то красные глаза, и она попятилась. К тому же, вокруг были вещи куда более интересные. Например, рядом росли кусты, покрытые белыми цветами размером с тарелку. Нюта, забывшись, попыталась снять противогаз – ей захотелось их понюхать. Толчок Кирилла опять вернул ее к действительности.

Сначала улица казалась пустой и безмолвной, но скоро Нюта поняла, что здесь идет какая-то своя жизнь. То, что казалось ей очередным автомобилем, вдруг тихонько сдвинулось с места и поползло, оставляя за собой полосу слизи. Из-под ног то и дело порскали небольшие зверьки чуть покрупнее крыс.

Слева стоял длинный дом, на первом этаже которого было окно почти во всю стену, теперь разбитое. Внутри виднелась какая-то неподвижная фигура. Сначала девушка испугалась, но фигура не шевелилась, и Нюте страшно захотелось подойти поближе. Подруга двинулась за ней, а Кирилл чуть-чуть отстал и беспокойно оглядывался, стискивая автомат, – ему все это не нравилось.

Нюта осторожно вошла внутрь, хрустя осколками стекла под ногами. Фигура не двигалась. Если это мертвец, то почему он стоит, а не лежит? Девушка, пересилив себя, протянула руку и осторожно прикоснулась к фигуре кончиками пальцев. Что-то твердое и, кажется, неживое. «Кукла, – догадалась Нюта. – Большая кукла в рост человека, одетая в коротенькую кофточку и такие же коротенькие штанишки». Такой нарядной одежды девушка никогда не видела, но от прикосновения чудом сохранившиеся тряпки рассыпались в прах. Нюта зашла в соседнее помещение – там стояли столы, когда-то накрытые сверху стеклами. Теперь стекла были разбиты, на столах валялись в беспорядке какие-то цепочки, кольца, браслеты из серого и желтого металла. В них как будто кто-то покопался, отбрасывая за ненадобностью. Нюта знала, что раньше эти вещи считались украшениями и дорого стоили. Куда дороже еды. Повариха

Галка на Спартаке до сих пор носила в ушах серьги с блестящими стеклышками, хотя этот блеск только подчеркивал одутловатую бледность ее лица и плохо вымытые волосы. Кое-кто из женщин постарше тоже носил по привычке эти украшения, но большинство предпочитало ничего лишнего на себя не навешивать. Браслет или цепочка могут зацепиться за одежду в самый неподходящий момент, а секундное промедление в некоторых ситуациях грозило гибелью. Кольца же мешали при стирке и мытье посуды, а при рыхлении почвы на плантациях шампиньонов под них вечно забивалась грязь, и в условиях вечной нехватки воды это грозило язвами. Пожав плечами, Нюта все же потянула одну из цепочек, но та перепуталась с другими и вытаскиваться не хотела. В итоге девушка взяла весь ком и зачем-то сунула в карман комбинезона. Кирилл сделал недовольный жест, напоминая, что надо идти.

Следующее такое же длинное окно было, как ни странно, целым. В свете фонарика они обнаружили, что за стеклом валяется какая-то обувь. Явно слишком легкая, не похожая ни на ботинки, ни на сапоги и, скорее всего, ни на что не годная. Но Нюта упрямо толкнула дверь и вошла внутрь, остальные – за ней. Как ни странно, из этого магазина вынесли не все. На полу кучей валялись вперемешку коробки и какие-то разрозненные сандалии и туфли. Нюта увлеченно принялась в них копать, подруга тоже. Кирилл сначала светил им, потом не выдержал и сам начал перебирать коробки. Нюте удалось найти коробку с красными туфлями без каблука. В жизни она ничего красивее не видела! Кирилл тоже откопал себе какие-то ботинки. Увлеченно роясь в обуви, они чуть не забыли обо всем на свете. Вдруг Нюте попался в руки странный предмет. Она наклонилась рассмотреть его поближе – это был человеческий череп. Кто-то уже побывал здесь до них. Она нервно огляделась. В конце магазина находилась небольшая дверь – возможно, в подсобное помещение. Кирилл осветил фонариком – за полуоткрытой дверью виднелись еще какие-то составленные вместе коробки.

Вдруг там кто-то завозился, коробки со стуком посыпались на пол и мелькнуло что-то темное, заросшее шерстью. Троица в панике кинулась к выходу. Едва Кирилл захлопнул за собой дверь, как изнутри в нее с силой ударило что-то тяжелое. Парень изо всех сил налег на дверь плечом, девушки тоже, но обитатель магазина оказался очень силен и постепенно стал брать верх. Больше всего Нюту поразило, что неведомое существо, судя по всему, ходило на задних лапах, как медведь. Поняв, что удержать противника не удастся, Кирилл перехватил поудобнее автомат и, как только дверь наполовину открылась, дал очередь почти в упор. Раздался тоскливый рев, и зверь рухнул, наполовину вывалившись наружу. Глазам людей предстала голова, похожая на собачью, и толстые лапы, покрытые бурой шерстью. Глаза твари вдруг открылись и уставились на них, а лапы задергались в конвульсиях, скребя по полу здоровеными загнутыми когтями. Это было так страшно, что все трое, не сговариваясь, кинулись бежать.

Добежав до следующего дома, Нюта оглянулась. Темная туша на пороге магазина лежала неподвижно, поэтому она сделала друзьям знак, что можно остановиться и передохнуть. Кирилл, который не забыл-таки прихватить коробку с приглянувшимися ботинками, теперь перекладывал свою добычу в рюкзак, и Нюта решила последовать его примеру. Крыся же, заметив еще какую-то вывеску, решила было подойти поближе, но Кирилл отрицательно замотал головой: мало того, что магазин находился в торце дома, да еще и в подвале. Оттуда, если что, быстро не выскочишь. К тому же сама вывеска была какая-то непонятная: вроде бы обычные русские буквы складывались в незнакомое слово «Секонд». Ни один из путешественников не знал, что оно означает и чем мог торговать магазин с таким названием. Вдруг это что-то совершенно ненужное и не стоящее риска? А если и не так, если там одежда, лекарства или еда, то где гарантия, что магазин не облюбовала какая-нибудь тварь, а то и не одна? Кто знает, вдруг обувной не был разграблен до конца именно потому, что в нем поселился монстр? Ведь в относительной близости от Сходненской сталкеры должны были давным-давно вынести все

ценное, и если где что и осталось, значит, туда лучше вообще не соваться. После краткого отдыха решено было идти дальше.

По пути им попались еще несколько застывших на рельсах трамваев и множество застрявших навеки ржавых автомобилей. Обходя один из них, Нюта нечаянно скользнула взглядом по лобовому стеклу. Уронив голову на руль, в машине сидел мумифицированный труп... Мужчина. Еще один попался им возле магазина с постельными принадлежностями, причем этот был в защитном комбинезоне и противогазе. Вполне возможно, что погиб он не так давно. Кирилл заметил рядом с телом автомат и нагнулся, но почти сразу разочарованно выпрямился – видимо, оружие было слишком сильно повреждено. «Интересно, – подумала Нюта, – отчего он умер? Польстился на какие-нибудь одеяла или подушки и не заметил опасности? Но с виду костюм и противогаз без повреждений...» Что бы то ни было, а в магазин они заходить не стали.

Скоро Нюте стало казаться, что они движутся по гигантскому кладбищу. Девушка еле передвигала ноги, стараясь не отставать от Кирилла, ее подруга шла сбоку и нервно оглядывалась. Наконец Кирилл остановился на перекрестке, вглядываясь вперед. Проследив за его взглядом, Нюта различила вдали клубы темно-розового дыма. Обернувшись к девушкам, Кирилл покачал головой, но они и сами вспомнили предостережение коменданта Сходненской. Хуже было другое – у Нюты совершенно вылетело из головы, куда им следует свернуть. Судя по всему, друзья тоже пребывали в сомнениях. Наконец Кирилл, неподвижно стоящий приставив палец ко лбу и чуть опустив голову, решительно повернул направо. Девушкам не оставалось ничего другого, как присоединиться.

Они шли вдоль широкой улицы, стараясь держаться подальше от домов, за которыми вглубь дворов уходили буйные заросли, в которых то и дело раздавались разнообразные звуки, а однажды совсем рядом вдруг сорвалась с места какая-то зверюга с упыря размером и шарахнулась в кусты, с шумом ломая ветки. Нюте казалось, что они идут уже довольно долго, и когда направо ответвилась еще одна улица, она жестами попыталась привлечь внимание Кирилла. Но тот покачал головой и потащил их дальше. Тут уж девушка всерьез забеспокоилась: там улицы уже не было, только небольшая дорожка, да еще и месяц, как назло, скрылся за тучей. Наверняка путешественники заблудились, и идти дальше, не поняв, где они находятся, не стоит. Нюта опустила прямо на землю возле небольшого кирпичного строения без окон, уставшая Крыся тут же села рядом. Кирилл было потянул ее за рукав, но потом безнадежно махнул рукой и присоединился. Так они и сидели несколько минут, и вдруг снова показался месяц. Все трое тут же вскочили на ноги, разглядывая местность, и Нюта непроизвольно ахнула: глядя в ту сторону, откуда они пришли, она увидела довольно далеко по правую руку три высоких дома, стоящих особняком. Отсюда они и вправду казались тремя неподвижными великанами – прямоугольные туловища с квадратными головами, увенчанными какими-то нашлапками. Домавеликаны словно караулили всю эту темную, безмолвную местность. Еще правее виднелась странная ажурная конструкция вроде гигантского колеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.